

НЕ ПОЗВОЛЯЙ
ИМ РАСТИ

Александр Зимний

СУЩНОСТИ ЭВОЛЮЦИЯ

Александр Зимний

Сущности. Эволюция

Серия «Сущности», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70325587

Аннотация

Зрячим известно, что Сущности обитают на всех людях и редко кого-то опасаются. Но почему тогда вокруг тела молодой девушки совсем нет Прилипал, и они отказываются к нему приближаться?

Что нужно Гадалке от Этана Райма, и зачем загадочный предсказатель появился в Москве?

Отчего город шерится в ответ на желания прибывшего совсем недавно Лазаря и ломает его планы?

В то же время кто-то предпочитает не говорить о своей роли в происходящем и умело затягивает в свои сети команду Зрячих, бросая их в самую гущу событий. Хватит ли Андрею и остальным сил справиться с тем, что может привести мир на край гибели?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	42
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Александр Зимний

Сущности. Эволюция

Пролог

Шестнадцать лет назад

К двадцати трём годам Лазарь научился никогда не показывать свой страх.

Он с самого детства был трусом, и ужас вызывало буквально всё: начиная от необходимости одному идти в школу, заканчивая насекомыми и одиночеством. Особенно он боялся боли – и как раз боли в его жизни было невероятно много.

Отец ушёл из семьи, когда Лазарю исполнилось пять. С того самого дня мать как будто подменили, и Лазарь начал бояться ещё и её. Он никогда не знал, за что в очередной раз получит наказание, со временем привык сжиматься или прятаться. Молчать, тихо ходить, готовить себе еду из того, что нашлось в холодильнике, или есть сырое. В школе тоже было страшно, но хотя бы не больно.

Лазарь быстро учился новому. Он считал, что ему повезло: он умел запоминать всё сказанное с первого раза. Наверное, потому что страшно было просить повторить или обратиться за помощью.

В четырнадцать Лазарь начал расти – в прямом смыс-

ле вытягиваться вверх, оставаясь долгое время тощим, и ко всем придиркам матери добавились ещё претензии, что ему необходимо покупать новую одежду.

Мать невероятно дорожила общественным мнением: Лазарь должен был выглядеть прилично. А синяки... Какие мальчишки не ставят синяки, когда гуляют?

Гулять, правда, Лазарь боялся. Шёл из школы к дому, заходил в квартиру и наслаждался несколькими часами тишины, вздрагивая от любого шороха. Противоречие убивало, но он не мог не признавать, что без матери ему дома спокойно.

Но страшно.

Лазарь впервые постарался побороть свой страх в шестнадцать. Когда успешно сдал в школе все экзамены (он выпил столько успокоительных, что потом проспал сутки) и подал документы в университет в другом городе.

Колени подгибались, едва Лазарь вспоминал, что его могут принять, и придётся уезжать в другой город, в другой мир, заводить новые знакомства, искать жильё, работать...

Но оставаться дома с матерью он больше не мог и не хотел. Ненависть к этой женщине разливалась острейшим ядом по венам, и Лазарь, ростом почти догнавший два метра, боялся, что убьёт её, если она снова поднимет на него руку.

Садиться в тюрьму из-за этого он боялся ещё больше.

Он сумел поступить, набрав самый высокий балл. Получил стипендию, место в общежитии и выдохнул. Одиноче-

ство ему больше не грозило – в их комнате всегда кто-то был, и это была не его мать. Соседи – шумные, активные, яркие – заставили Лазаря прятать даже сам факт, что он чего-то боится. Учёба отвлекла от мыслей о прошлом, привычные, как давно сросшийся перелом, страхи были с Лазарем постоянно, но в итоге он сумел научить себя не обращать на них внимания.

Самыми яркими страхами остались два: высота и темнота. По-отдельности их Лазарь не боялся, потому что, когда он видел землю, он был спокоен. Когда земля терялась в темноте, а он знал, что она должна быть там, на уровне трёх-шести метров, Лазаря накрывала мощная волна паники. Парализующая волна, которая мешала дышать.

Он старался не подходить к окнам, не выходил на балкон – даже когда звали покурить с друзьями, уж тем более, не забирался на крышу.

Окончание университета, выбор места работы, работа и первые отношения. Девушка ему нравилась, он планировал когда-нибудь жениться на ней, но не срослось: Снежка оказалась ветреной, и в её планы свадьба не входила. Потом было ещё несколько попыток, после чего Лазарь оставил себе мимолётные интрижки, не привязываясь ни к кому – в этом случае не так неприятно терять.

Первое повышение на работе, потом ещё одно – Лазарь привык отдавать работе всего себя, – и в двадцать три года он занял место заместителя начальника своего отдела. Боль-

шого отдела, на тридцать человек.

Старая знакомая организовала вечеринку в честь этого события. Она же вытащила Лазаря на балкон – пошептаться. На горизонте угасало солнце, внизу Лазарь различал далёкий асфальт (двадцать третий этаж – не шутки!) и потому был совершенно спокоен.

Разговор, внезапные поцелуи, потом смущение, и знакомая нырнула обратно в квартиру: «Я принесу что-нибудь выпить», а Лазарь, расслабленный и одурманенный приятными ощущениями, опёрся на перила. Солнце продолжало садиться, внизу постепенно темнело, и Лазарь начал ощущать противный холодок страха между лопаток. Горло перехватило на короткое мгновение, и тогда он решил вернуться.

Перила хрустнули.

Лазарь рванулся назад, но поскользнулся на кафельному полу балкона и, подобно неловкому ныряльщику, оказался в свободном падении.

Он не сдерживался: страх поглотил всё. Мысли, чувства, будущее и прошлое. Страх пробудил в груди крик и бешеное желание жить. Только это никак не могло спасти Лазаря.

...Живой!

Он сначала даже не осознаёт себя. Не может вспомнить ни имени, ни даже как думать. Не может ничего, но затем... Живой.

Он открывает глаза, и видит свет фонаря. Рядом люди –

много людей, они охают, ахают, кто-то судорожно кричит, а кто-то плачет.

Лазарю больно, но боль уходит практически сразу. И тогда он садится.

Горло саднит от дикого крика, но и только: других ощущений, которые должны были бы возникнуть от падения с такой высоты, нет.

Его пытаются уложить обратно, визжит сиреной скорая, ещё минута, и появляются врачи, а Лазарь послушно укладывается обратно.

Ищет привычное чувство, но его нет. Страха больше нет. Лазарь умер.

Лазарь родился заново.

Глава 1

Сейчас

Конец января

Снег опустился на землю белым покрывалом, потом растаял, становясь ужасно скользким льдом, и через несколько дней лёд покрылся снегом. Идти приходилось осторожно, внимательно глядя под ноги, чтобы не упасть.

Невысокий подросток лет тринадцати так и делал. Шёл, не поднимая головы, старательно выбирая место, куда наступить. Одетый в неброскую куртку, серые джинсы, обутый в ботинки с модным спортивным лого, подросток никуда не торопился, но и не прогуливался.

Он впервые один проделывал путь от школы к ближайшей станции метро, и это будоражило.

Этан Райм, с прилипшим прозвищем на русском «Иней» всего полтора месяца назад оказался вдали от Мельбурна, в котором родился и вырос. Он до сих пор не особо понимал, почему эти люди пришли в его дом так внезапно, спасли его от продажи (и не хотел особо знать, куда его планировали продать родители, но подозревал самое плохое) и увезли в далёкую Россию. Он принял это как факт, постоянно опасаясь, что сказочное настоящее растает, и он очнётся в своей комнате, обнаружит что все эти полтора месяца были сном.

Сказкой, которая слишком хороша для такого как он.

Со стороны, вероятно, это было банальным похищением. Но именно это Этана волновало меньше всего: как оно выглядит для других. Там, в Мельбурне он был невидимкой – родители редко выпускали его из дома, он ел, что придётся, когда мать и отец сваливались в наркотический бред. Прятался от них и от всего мира: альбинос, тощий, невысокий – урод, как выражалась мать. Мерзкий прикормыш, как называл его отец.

Этан верил им и считал, что должен вести себя тихо и незаметно. Замораживал в себе чувства, ведь когда нет эмоций – нет боли. Привыкал воровать в магазинах еду и незаметно таскал у родителей деньги, если они были, разумеется. Потому что он очень хотел выжить.

Здесь всё было иначе: начиная с погоды – он никогда в жизни раньше не видел снега и не чувствовал такого холода – и заканчивая людьми. Все были другие.

Всё было другое.

А ещё тут был усыновивший его Игорь.

И Каин с Леоной, которые тоже предлагали стать ему... семьёй?

И Ларнис, что убил его родителей, чем заслужил безграничную благодарность Инея.

И Андрей, удивительно цельный и целеустремлённый в своей миссии врача.

И собаки Игоря: Кусыч и Грызыч. Их имена Иней долго учился выговаривать правильно, а потом Игорь сказал, что

зовут собак не так – и их настоящие имена выговаривать было гораздо проще.

Этан шёл из невероятно дорогой школы, где с ним говорили по-английски и старательно учили его русскому. Сама школа и факт того, что он теперь как все – ученик, делали сказку ещё более невероятной.

Он ходил в школу только в восемь лет, когда мать с отцом ещё не пробовали наркотики. Они жили всей семьёй в горячем туристическом Бруме. Этан старался поменьше находиться на солнце, но был счастлив. Он был как все.

Светофор перед Этаном зажегся красным, и подросток послушно остановился у «зебры».

Поначалу его учили репетиторы: внимательные, терпеливые, добрые. Натаскивали на уровень шестого класса (Игорь сказал, что выше пока не стоит), и Этан не спорил. Во-первых, учителям было виднее. Во-вторых, Этан ощущал, что ему тяжело догонять всё пропущенное, и несмотря на его старания, сдал контрольные, необходимые для зачисления в школу, на средний балл. Вроде, здесь это называлось «тройка». Игорь, правда, всегда его хвалил и поддерживал, и это придавало сил.

А с этой недели он, наконец-то, пошёл в школу. Третья четверть шестого класса. Первые дни его привозил Игорь и забирал тоже он. Потом Игорь его привёз, а обратно они отправились пешком до метро. Игорь (Этану хотелось назвать его «отец», но он не позволял себе этого даже мысленно:

вдруг вырвется вслух, и Игорь разозлится?) комментировал каждый поворот и показывал Инею важные приметы верного направления. Они спустились в метро и доехали до нужной станции. И оттуда уже отправились на машине домой.

Вчера вечером Игорь сказал, чтобы Иней сам добрался до домашней станции. Это было его задание, и подросток был намерен выполнить его как можно более тщательно.

Зелёный свет возвестил, что можно идти, Этан сначала оглядел дорогу – машины остановились все – и только тогда шагнул на переход. Половина пути пройдена.

Этан позволил себе остановиться на противоположной стороне дороги и выдохнуть. Дальше уже точно должно было быть проще: тут тротуар почищен, не нужно хотя бы беспокоиться о падении.

Когда впереди показались знакомые обозначения, Иней ускорил шаг и тут же замер. Накатила странная слабость, головокружение, он пошатнулся, попытался найти опору, когда в глазах потемнело, и мгновением спустя яркая картинка вспыхнула в голове: незнакомая девушка в метро падает на рельсы, потому что пьяный мужчина случайно её толкает.

А поезд уже близко...

Этан вскрикнул и понял, что его кто-то аккуратно придерживает. Он постарался освободиться, тем более что слабость отступила так же внезапно, как и пришла. И оглянулся.

Мужчина в идеальном белом пальто и белых же брюках не стал удерживать подростка. Он помог ему твёрдо встать

на ноги и чуть улыбнулся:

– Стало легче?

Он говорил по-английски. Сразу, словно знал, что Этан так его лучше поймёт.

– Да, спасибо, – оглянулся в сторону метро, а потом снова посмотрел на мужчину, поднимая взгляд к его лицу. Невероятному лицу, с такой холодной красотой, что у Этана возникло чувство, будто перед ним ангел (он когда-то ходил в церковь, когда ещё сами родители туда ходили).

Странные фиолетовые глаза незнакомца, светлая кожа и платинового цвета волосы, брови и ресницы дополняли картину, делая мужчину поистине неземным созданием.

Иней не знал, что ещё сказать (и надо ли говорить?), снова посмотрел в сторону метро, закусил губу в нерешительности. Он видел девушку. Но что это было?

Он заразился галлюцинациями от родителей?

– Иди, – внезапно сказал мужчина. – Если у тебя будут вопросы – приходи завтра, я отвечу.

Этан коротко кивнул и побежал к метро: испуганный происходящим и заинтригованный. Но он не только видел странное, ему же стало нехорошо?

В метро он вошёл быстрым шагом, приложил карточку к турникету и оказался внутри. И почти столкнулся с той самой девушкой, которая погибла в его галлюцинации. Иней машинально последовал за ней и вниз, на платформе осознал – что вот он, идёт к ним тот самый пьяный мужчина,

где-то за спиной в тоннеле грохочет подъезжающий состав. Этан умел быстро принимать решения – он бы не выжил без этого умения в родном доме – и тогда он тронул девушку за локоть, обращая на себя внимание. Она остановилась, обернулась – до той самой колонны, у которой её толкнули, оставалось пять шагов.

Мальчик улыбнулся ей – Игорь советовал ему улыбаться, если он обращался к кому-то незнакомому – и на несмелом русском спросил, как доехать до нужной станции. Туда ли идёт этот поезд (на самом деле, вот сейчас ему было всё равно, он бы нашёл поезд по указателям, но ведь это был отличный повод), и сможет ли он попасть потом на нужную улицу?

Девушка оглядела его, потом улыбнулась в ответ. Начала что-то говорить, и Этан за её плечом увидел, что пьяницу шатает в сторону рельс, он не находит опоры и падает вниз.

Поезд прогремел мимо стоящего Инея и живой девушки. Вокруг внезапно закричали, запричитали, снизу несколько мгновений доносились вопли, но они стихли под грохот встречного поезда с другой стороны платформы. Иней воспользовался суматохой и отошёл от девушки.

К счастью, в его сторону путь был свободен, и подросток встал в углу вагона. И выдохнул, осознав, что всё это время был напряжён как никогда.

Он увидел смерть девушки и спас её. Пьяницу ему не было жалко ни капли: он ненавидел всех, кто был зависим от наркотиков. Алкоголь и сигареты он тоже считал наркотиками,

просто более продлёнными по действию.

Но девушка бы пострадала просто оттого, что один человек не мог сдержать своё желание напиться. Даже если это один раз. А так – она жива, и Этан осознал две вещи.

Кажется, он может видеть будущее.

И, кажется, он может на него влиять.

Рядом освободилось место, подросток сел на него, нахохлился и, надев наушники, включил плеер с уроком русского. Наверное, нужно попробовать снова встретить этого мужчину в белом (ангела?) и получить ответы на вопросы. А потом, разобравшись в ситуации, рассказать всё Игорю.

Этан уже столько всего необычного видел и слышал, что совершенно не удивился тому, что, оказывается, будущее можно на самом деле предсказывать. Его удивляло только то, что эта способность появилась у него.

* * *

Ветер трепал светлые волосы, пытаясь их расплести, но Ларнис прекрасно знал, где будет проходить пикник, и заранее позаботился о том, чтобы причёска осталась в порядке.

Он сидел на высокой скале, полностью чёрной, плоской наверху, как столешница. Сидел, свесив ноги вниз, несколько беспечно, если учитывать, что внизу – пропасть и острейшие зубы других скал. Таких же угольно-чёрных, с прожили-

ками серого мрамора, лишённых растительности и признаков жизни. Здесь не было птиц, не было животных и насекомых. Низкое серебристое небо в переливах перламутровых облаков удивительным образом не давило, а... позволяло ощутить мощь этого уголка мира.

Неподалёку от Ларниса стояла классическая корзина для пикника, в которой уютно притаились несколько порций хорошо прожаренного мяса, булочки и термос. Сам же Сирена ждал хозяина этого мира и тихонько напевал себе под нос одну из недавно услышанных песен. Он даже не запомнил слов, но мелодия зацепила, и Ларнис её то и дело перекачивал в мыслях, создавая что-то новое, более совершенное.

– А я думал, не дождусь! – рядом с Сиреной из воздуха соткался молодой мужчина, и сразу же сел, так же беспечно свесив ноги вниз.

– Я тебя тут дольше жду, – рассмеялся Ларнис. – Наар не торопится, но ворчит.

Наар фыркнул:

– Кто бы говорил!

Сидя рядом, они представляли собой любопытное зрелище: один с золотыми волосами, сейчас заплетёнными в косу, невысокий, стройный, в простой футболке, брюках цвета хаки и горных ботинках. Второй – в чёрной рубашке, в чёрных же брюках и мягких полусапожках, с прямыми чёрными длинными волосами, собранными в высокий хвост. Ларнис, с большими медового цвета глазами, высокими скула-

ми, изящно очерченными губами, красивый какой-то неземной красотой, и Наар, чьи черты напоминали работу каменщика: резкие, высокие скулы, чёрные глаза, очень чёткие губы. Мужчины были абсолютно разными, но при этом оба казались по-своему совершенными.

– Там термос с глинтвейном, сам варил, и всякое, – Ларнис приманил к себе корзину, и та послушно проплыла по воздуху, замирая у его левой руки. – Столько всего случилось... Кажется, я снова вляпался.

– Расскажешь? – Наар на вид был серьёзен, но на деле открытый и весёлый Художник всегда был готов поддержать друга. Или, как минимум, послушать новые истории. Или показать свои новые миры.

– Расскажу, – кивнул Ларнис, улыбаясь.

Мимо плыли перламутровые облака, они ластились к ногам, как котята, они слушали голос певца и скользили себе дальше. Где-то там, на границе Угольных Скал облака стряхивали перламутр, переодеваясь в белое, и шли себе дальше, изредка становясь свинцовыми тучами, проливаясь дождём и грозой на созданный внутри картины мир.

Ларнис очень тепло простился с Нааром, пообещал в следующий раз прийти не один и лишь тогда вернулся домой. Огляделся, убедившись, что Андрей ещё не пришёл и, сняв кроссовки, закинул их в коридор. Затем обернулся к картине – высоченной, почти от пола до потолка, и широкой,

как дверной проём. Улыбнулся, провёл ладонью по шершавой от краски поверхности, накрыл картину тканью (иногда, «под настроение» скрытого внутри мира, оттуда дул ветер и приносил пыль) и пошёл в кухню: помыть термос и посуду. Остановился, рассматривая поле битвы с глинтвейном, и в очередной раз посетовал, что готовка – всё-таки не его.

Звякнул ключ в дверях. Ларнис повёл головой, но он уже понял, что это пришли соседи: стукнула дверь, послышались голоса – недавно в квартиру за стеной въехали какие-то очень громкие ребята. Сирена вздохнул: надежда на то, что это теперь уберёт кто-то другой растаяла при взгляде на часы, и открыл кран.

И тут послышался визг.

* * *

Машина аккуратно встала в пустующее парковочное место, и Андрей Порохов, хирург тридцати лет, привычно проверил: все ли окна закрыты, и не осталось ли чего-то на заднем сидении.

Чуть больше полугода назад (май, это был май прошлого года) он во время плановой операции неожиданно прозрел: увидел, то, что никто другой видеть не мог. По крайней мере, в его больнице Зрячих больше не было.

Считал себя сумасшедшим, потом убедился, что серовато-зелёные сгустки, присасывающиеся к людям, реальны,

и рухнул в новый для себя мир. В мир, где есть Сущности – твари, питающиеся человеческим страхом и провоцирующие его, где они же растут и набираются сил, чтобы убивать людей. Где они стремятся к власти, и только Зрячие могут остановить тех Сущностей, которые обретают разум и власть.

Тогда к нему пришёл некий мужчина, представившийся лаконично: «Чёрный», и рассказал о Сущностях. Провёл в библиотеку и ненавязчиво подтолкнул к тому, что Андрей принял решение бороться с тварями, питающимися страхами.

Потом уже была гонка за бывшей девушкой, её смерть в Мельбурне, опустошение – убил Дину не он, но...

Но Андрей мог бы её убить и собирался это сделать.

Ему повезло: он встретил других Зрячих. Ему повезло и второй раз: он познакомился с Сиреной. Именно певец помог разобраться, кто стоит за ритуальными убийствами, а потом стал частью команды Зрячих.

И другом Андрея.

Порохов проверил телефон в кармане и привычно почистил окружающих от Прилипал – самой примитивной и самой распространённой формы Сущностей. Потом вышел из машины, задумчиво посмотрел на витрины магазинов, что расположились на первом этаже высокой «свечки», и решил, что у Ларниса точно есть еда. Если нет – заказать не будет проблемой.

Лифт вознёс его наверх, Андрей уже достал ключи, подходя к нужным дверям, когда с правой стороны раздался дикий испуганный визг, и почти сразу он почувствовал метнувшихся к источнику звука Сущностей. Значит, там действительно пахло страхом.

Из своей квартиры выглянул Ларнис, увидел Андрея, улыбнулся ему и тут же нахмурился:

– Слышал?

– Ага.

Оба мужчины прислушались, а у соседей (там жили несколько ребят и девушек, снимавших трёшку вместе) кто-то рыдал, кто-то явно звал на помощь... Помедлив, Порохов постучал. Потом позвонил, поняв, что его не услышали.

Дверь распахнулась резко, как-то истерично, и бледный парень с удивительно клочкастой бородой вопросительно посмотрел на стоящих на пороге гостей.

– Я врач, – Андрей не стал расшаркиваться, явно не та ситуация была. – Нужна помощь?

– Врач? Да! – парень порывисто кивнул и рванул куда-то внутрь квартиры. В коридоре – просторном, куда влезла даже небольшой диван и комод, – стояла заплаканная девушка. Красные волосы, модная стрижка с выбритыми висками, широко распахнутые зелёные глаза, наполненные ужасом.

Андрей быстро прошёл за первым парнем (кажется, когда они пересеклись в подъезде, его называли Влад) и остановился на пороге небольшой уютно и стильно обставленной ком-

наты. На низком журнальном столике валялось множество упаковок от лекарств, стояла ополовиненная бутылка воды, бокал из-под чего-то спиртного. Тяжёлое смешение запахов в комнате вызвало первое желание – не дышать. На полу выделялись подзасохшие рвотные массы, цветные пятна таблеток, вперемешку с остатками еды. На самом диване на боку лежала девушка – длинные каштановые волосы, пижама со смешными оленятами, застывший стеклянный взгляд.

Андрей прекрасно видел, что реанимация невозможна, но всё равно подошёл ближе, проверил пульс на остывшей шее, покачал головой:

– Вызывайте полицию и скорую на констатацию.

Девушка в коридоре снова завизжала и там же села на диван, перемежая невнятные фразы с рыданиями. Парень с надеждой посмотрел на Порохова, но потом и сам осознал, что ему сказали, поднял телефон, некоторое время смотря на циферблат. В комнату осторожно вошёл Ларнис, поморщившись от запаха, достал свой телефон, набрал нужный номер и, дождавшись ответа, коротко объяснил ситуацию. Андрей же тем временем искал взглядом что-нибудь, что могло бы быть предсмертной запиской. Впрочем, в нынешнее время последнее послание вполне могло находиться в телефоне или в мессенджере.

– Она ничего никому не писала?

– А? – парень вцепился в свою бородку, потом охнул. – Понял, понял... Да... Сейчас посмотрю.

Он снова взялся за телефон и теперь уже начал что-то искать в приложениях. Нашёл, покачал головой:

– У нас чат квартирный есть. Очень удобно, да. Там не писала, последний раз вчера она писала вечером, просила купить молоко.

– Купили?

– А? Да, конечно. Вон в холодильнике стоит. А что?

Порохов не ответил. Он задумчиво рассматривал комнату: вокруг не наблюдалось ни одной Сущности. Они были рядом, они были в коридоре, они присутствовали на девушке с красными волосами (и Андрей их намеренно пока не трогал), но рядом с трупом Прилипал не было. Они словно сторонились мёртвой девушки, хотя и пытались подобраться к бородатому парню. Это было странно.

– Никогда такого не видел, – тихо, вполголоса сказал Андрей Ларнису. Сирена кивнул:

– Да, я тоже.

Со стороны это могло показаться обсуждением самоубийства, но Андрей был Зрячим, а Ларнис вообще не был человеком (и даже Порохов пока не знал, как же называются он и его сородичи), и они видели Сущностей. И говорили о них.

– Дождёмся полицию и пойдём, – решил Андрей, выходя из комнаты и выводя оттуда Влада. Закрыв двери, оглядел теперь квартиру и практически бесцеремонно пошёл по ней бродить.

Три комнаты, четверо жильцов: пара, девушка и парень.

Беглый осмотр показал, что умершая девушка была явно в своей комнате: на стенах висели плакаты с какими-то азиатками, у окна на стуле лежал закрытый ноутбук, на столе стояли несколько фотографий. На одной она была с матерью и отцом на фоне египетских пирамид, на другой с каким-то ребёнком лет четырёх на коленях и сама выглядела лет на тринадцать.

В остальных комнатах Андрей тоже очень легко угадал жильцов: слишком характерные детали не позволили ошибиться.

И везде Порохов видел Прилипал. Где-то мелких, где-то крупнее, но они были.

– Очень странно, – повторил Ларнис, который следил за действиями врача, – я такого раньше не встречал.

И только сейчас сам Андрей понял, что означает эта фраза Сирены.

Он остановился, посмотрел в медовые глаза певца и коротко кивнул:

– Понял. Будем раскапывать?

– Мне интересно, – улыбнулся Ларнис. Хищно улыбнулся.

* * *

В квартире Ларниса было прохладно, и Андрей закрыл окно. Сам Ларнис не мёрз, казалось, совсем, но любил свежий воздух. Порохов тоже ценил проветривание, но жить

предпочитал в более комфортных температурных условиях. Сирена тут же сказал, что на кухне бардак, и заинтригованный этим определением Андрей сходил на кухню и убедился, что да, действительно бардак.

– Что делал?

– В гости ходил, не с пустыми же руками...

– А, – глубокомысленно ответил Андрей, подумав, заглянул в холодильник и нашёл там остатки вчерашнего ужина. – Будешь?

– Буду, – Сирена уселся на стул верхом и наклонил голову, отчего золотистые пряди упали на лицо. – Не люблю отвечать на вопросы.

– Я тоже. Но мы сами влезли.

Полиция приехала час назад. Найдя звонившего, они сначала опросили Ларниса, потом переключились на Андрея и, отпустив их, принялись за ребят. По всему выходило самоубийство, но причины этого предстояло выяснить следователям. Самого Порохова волновал другой вопрос: почему Прилипалы не подползали к телу и даже освобождали людей, которые подходили к нему. Андрей намеренно не трогал Сущностей, прицепившихся к соседям, и заинтересованно наблюдал за этими непонятными действиями обычно совершенно ни на что не обращающих внимание тварей.

Он было подумал, что Сущностям могут не нравиться трупы сами по себе, но в Мельбурне, когда Палач устроил взрыв на рождественской ярмарке, Прилипалы кинулись

на испуганных раненых людей и неохотно сползали с уже мёртвых. Значит, было в этой девушке что-то, что отвращало Сущностей.

Осталось понять, что.

Микроволновка беззвучно закончила разогревать ужин, и Андрей распределил его по тарелкам, рассматривая свою порцию жаркого, приготовленного Маргаритой. Почему-то он до сих пор не мог привыкнуть, что его мать снова есть в его жизни. Называть её – выглядящую даже моложе него самого – мамой тоже не поворачивался язык, и Порохов старался в речи обойтись без обращения.

Маргарита Островская покинула семью, когда Андрею было десять. Просто сообщила мужу и сыну: «Мальчишки, вы у меня умницы, сами разберётесь» и ушла. Когда Порохов случайно узнал, что Игорь – глава небольшой команды Зрячих – знаком с Маргаритой, то он поговорил с ним, и Игорь тогда предположил, что Островская не хотела видеть, как стареют дорогие ей люди. Но Андрей понял бы это, если бы ему самому было лет восемнадцать – тогда мать могла быть уверена, что он не Зрячий.

Разгадка оказалась проще, и ответила на эти вопросы уже сама Маргарита.

Ей угрожали. И угрожали найти всю её семью. Сильная, давно сражающаяся с Сущностями Зрячая была на слуху, и в итоге нашлись те, кто был готов идти до конца. А рисковать сыном Маргарита не захотела, и пока твари, которые боль-

ше не были людьми, не добрались до тех, кто дорог, сбежала на другой конец мира: максимально далеко и оборвав все возможные связи.

Андрей, подумав, понял это и принял. Он давно уже не злился на мать, но привыкнуть, что она есть, ей можно позвонить, что она может что-то приготовить и привезти или просто предложить сходить вместе в ресторан – было невероятно сложно. Как заново впихнуть в себя что-то, называющееся новой привязанностью. Ещё сложнее было осознать то, что Маргарита тоже Зрячая. Что она знает и понимает, с чем он столкнулся меньше года назад и кем он стал. Что она так же рискует собой и сражается с теми, кто паразитирует на людях. Что он действительно может рассказать всё, а не тщательно фильтровать ответ на вопрос: «Как прошёл день?»...

Впрочем, Маргарита планировала снова вернуться за океан, значит, привыкать придётся ненадолго. На вопрос Андрея, есть ли у неё там кто-то, мать, правда, невесело улыбнулась и ответила, что Зрячих там меньше, а сходитьсь с обычным человеком снова она не готова.

А вот с Ларнисом она удивительно быстро нашла общий язык, и Андрей наблюдал, как его мать и его друг иногда вдвоём куда-то уезжают и возвращаются довольные общением и проведённым временем.

– О чём задумался?

– О Маргарите, – тут же отозвался Порохов, ковыряя вил-

кой отличное мясо. – Надо будет её тоже пригласить.

– Да, конечно, – Ларнис уже сидел на стуле нормально, уплетая свою порцию. – Думаешь, сразу рассказать всем про эту ситуацию?

– Ты против?

– Нет, уточняю. Хотя, конечно, связи Игоря позволят разобраться, что там найдут в телефоне девушки. И куда вообще докопается полиция.

– Интересно, насколько долго сохранится её аура, пугающая Прилипал?

– И только ли Прилипал? – закончил за Андрея его мысль Ларнис. – Кажется, придётся ехать с ней в морг. И позвать остальных.

– Значит, поедem, – кивнул Порохов, взяв телефон и набирая в общей группе короткое описание произошедшего с предложением прокатиться в морг.

Пока ждал ответы, продолжил кушать. Готовила его мать хорошо, аж на зависть.

– Я тебя, правда, хотел кое с кем познакомить, – внезапно улыbnулся Ларнис, – но ничего, подождёт немного.

– С кем?

– С Нааром. Он – наш Художник, – Сирена выделил слово «наш», и Андрей понял, что это кто-то из сородичей Ларниса.

– О, – Андрей вздохнул. Это тоже было любопытно. – А он тут тоже проездом в городе? Выставка?

– Нет, – рассмеялся Сирена, – он последние пару месяцев живёт в своих мирах – внутри картин. Но как раз планировал с нами прогуляться.

Порохов уже слышал о том, что картина, висящая в гостиной Ларниса, по сути, проход куда-то в целый мир, написанный в холсте. Но ни разу не видел этому подтверждения.

– А к нему?..

– И к нему тоже.

– Давно хотел спросить – что значит, он рисует мир?

– То и значит. У него каждая картина – часть мира, который расположен по ту сторону холста. По сути, когда он пишет картину, то создаёт целый кусок этого мира. Горы, леса, города, море, озёра, реки – что угодно. И там, внутри, они плавно переходят друг в друга.

Порохов некоторое время пытался осознать, что ему говорят правду, потом медленно кивнул:

– А если он внутри того мира рисует картину? То... Будет проход ещё глубже?

– Нет, он просто выносит картину в этот мир, и тогда у него там появляется то, что написано.

– А он сам там живёт? И...

– И там он может всё, что угодно. Он бог того мира, пожалуй, это лучшее определение.

– Но ведь его картину можно уничтожить? Это его не убьёт? Если картину разрезать?

– Тогда появится очень злой Художник и убьёт вредителя.

Он не привязан к мирам внутри, может их покинуть в любой момент, но чувствует все свои картины, – Ларнис хмыкнул, встал, наливая в чайник воды и включая его. – Кофе, чай?

– Да я минералки выпью, – Андрей закончил свою порцию и посмотрел в чат. – Леона не в городе, Каин пока занят, Игорь и Маргарита готовы поехать с нами в морг... – он помолчал. – Надеюсь, что после этого я всё-таки доберусь и сам увижу Художника и его миры. А то пока слабо верится в реальность подобного.

Ларнис переливчато рассмеялся, и Андрей не сдержал улыбки: Сирена умел заразить своими эмоциями.

* * *

Смотреть из тёплого уютного кафе на морозную, серую, заснеженную улицу Лазарю нравилось всегда. И он всегда старался выбрать место у окна, заказывал еду и много чая (фрукты, травы, обжигающая пряная смесь) и неторопливо ел.

Он знал, что хостес в кафе предлагают места у окон кому-нибудь презентабельному, и это его радовало: он всегда получал желаемое. Высокий рост, хорошая фигура, длинные тёмные волосы, забранные в хвост, ухоженное гладко выбритое лицо и тёмные глаза – его принимали за бизнесмена и с удовольствием приглашали сесть ближе к окну. Побывать «витриной».

Лазарь рассматривал прохожих: вечерний час пик, все торопятся, успевают, бегут. Уставшие и не очень люди, как вспышки радости и молодости – студенты, готовящиеся в эту пятницу как следует оторваться, курьеры, снующие то тут, то там. Огромный, живой, бурлящий делами город. Лазарь ни капли не жалел, что добрался до него.

Телефон молчал. Мужчина ждал звонка и не мог понять, почему Лиза до сих пор не вышла на связь.

Лиза. Лизонька.

Каштановые волосы, неуверенность в себе, откровенная любовь к айдолам (Лазарь бывал в Корее, видел этих несчастных заложников фанатов и даже сошёлся кое с кем лично, ненадолго), восторг от Лазаря...

Лиза, которая не звонит.

Лазарь покрутил в руках телефон, сделал глоток «Рубинового наследия», сам выбрал нужный контакт из списка и нажал на прозвон.

На том конце ответили, но вместо голоса Лизы оказался чей-то чужой, мужской, незнакомый.

– Да?

– Лиза? – мужчина прекрасно понимал, что это не девушка, но надо было разобраться, что случилось.

– Нет, она... её больше нет. А кто вы?

– Однокурсник... Как нет? Что случилось?

Но там уже не слушали, и перед отключением Лазарь услышал сказанное не ему:

– Дознаватель подъехал, давай выпроваживай...

Мужчина посмотрел на замолчавшую трубку – это была простенькая, давно уже не модная раскладушка (хоть и купленная три дня назад), – вынул сим-карту, сломал пополам и выключил сам аппарат.

Таким мерам предосторожности он научился десять лет назад, когда в Талсе его попытались обвинить в убийстве Трейси Малькорн. Трейси давно нет, а урок, выученный Лазарем, остался. Даже если к смерти Лизоньки он не имеет никакого отношения, то предосторожность не помешает.

Но что случилось с Лизой?

Лазарь допил чай, попросил счёт и задумался.

Лизонька была идеальной для него: отзывчивая, ранимая, чувствительная. Он удивительно легко вёл её по знакомому пути, но... Что-то пошло не так?

Голод подбирался всё ближе, и вот такая осечка.

Придётся снова искать...

Счёт положила на стол улыбчивая официантка, и Лазарь улыбнулся ей в ответ, вкладывая в вазочку с чеком крупную купюру:

– Сдачи не надо.

Официантка смутилась, сбивчиво поблагодарила Лазаря, а тот, вздохнув своим мыслям, встал, одеваясь.

Нет, разумеется, любопытствовать, что стало с Лизонькой, он не будет. Гораздо важнее сейчас найти того, кто будет не хуже Лизы.

Или лучше.

* * *

Корочка, продемонстрированная Игорем у входа в судебный морг, заставила охранника поморщиться, но всё-таки отойти в сторону. Андрею было очень интересно, что там написано, но заглянуть он не успел, а спрашивать счёл невежливым. Кроме того, Порохов не был уверен, что Игорь ответит.

Маргарита приехала вместе с Игорем, что Андрея смутило. Он понимал, что с Игорем его мать общается, и Игорь гораздо старше того возраста, на который выглядит. Но их возможные отношения были для Порохова чем-то вроде фантастики. Даже если Андрею это только казалось, как можно было представить своего... друга? И свою мать... вместе?

Как?

Вот и у Андрея не получалось.

Впрочем, сейчас было не до того.

К ним вышел уставший эксперт. Оглядел странную компанию – хотя все были одеты предельно скромно и серьёзно – и поинтересовался, какого трупа им надобно и почему бы не подождать результатов экспертизы, как ждут все остальные.

В морге, кстати, как ни странно, Прилипал практически не было. И вокруг него – тоже.

С другой стороны, среди мертвецов слабые духом и не работают.

– Надо осмотреть тело, – сухо ответил Игорь, и эксперт, ещё раз оглядев странную для него компанию, коротко кивнул.

Развернулся, идя по коридору куда-то вглубь морга и предупредил:

– Ничего не трогать. Никого не трогать.

Ларнис, шедший последним, беззвучно фыркнул, но возражать не стал.

Коридор был достаточно широким, неплохо освещённым, но Андрею он казался странно тесным. Когда они свернули направо, в следующий такой же широкий коридор, по глазам ударила мигающая лампочка, и целый пролёт Зрячие прошли в сопровождении противно позвякивающего «стробоскопа». К счастью, за ближайшей дверью оказалась секционная, где лежало тело.

– Вот она-то нам и нужна, – тут же кивнул Игорь, – Болотова Елизавета Сергеевна, двадцать один год, студентка.

– Мы её только положили, ещё даже не начинали, – буркнул мужчина, становясь неподалёку от трупа и внимательно следя за незваными гостями. Ларнис сделал короткий, почти незаметный пасс рукой, и взгляд патологоанатома стал несколько расфокусированным. Вряд ли он теперь запомнит, то, что увидит. Андрей обошёл вокруг девушки, рассматривая её снова. Уложенная ровно, обнажённая под тонкой про-

стынѣй, она казалась какой-то совсем хрупкой и беззащитной. И очень спокойной. Хирург машинально припомнил короткую практику во время учёбы, когда он с кучей других студентов самостоятельно вскрывал трупы, правда, далеко не такие свежие и ухоженные. В какой-то момент он заметил, что Маргарита вынула из сумочки небольшую, туго закрытую крышкой и дополнительно окружённую каким-то полем стеклянную банку. Стало не до воспоминаний, потому что внутри банки находился Прилипала, которого эксперт, разумеется, видеть не мог.

А вот Зрячие видели и с интересом следили за реакцией Сущности на странное тело. Прилипала, как только банка приблизилась к Елизавете, проник через стекло и упёрся в барьер, пытаясь отодвинуться от тела. Маргарита отошла не несколько шагов, дождалась, пока Сущность успокоится, потянется в сторону эксперта, и стала медленно подходить. Когда до тела остался метр, Прилипала снова дернулся в сторону.

Зрячие переглянулись, и Игорь кивнул:

– Достаточно, мы все увидели, будем ждать отчёт о вскрытии.

* * *

Нельзя было сказать, что в морге как-то воняло. Но и приятным запах было не назвать: сухой, насыщенный, рез-

кий. На улице трое мужчин и женщина остановились, делая несколько вздохов полной грудью, и только после этого снова заговорили. Ларнис стянул с головы вязаную шапку, позволяя редким снежинкам опускаться на светлые волосы, и хмыкнул:

– Повторюсь, я никогда такого не видел раньше. И... Когда до этого мы встречали её пару раз в подъезде, ничего подобного не было: на ней сидели Прилипалы и, кстати, достаточно много.

Маргарита развеяла ту Сущность, что сидела в банке, выкинула пустую банку в урну и кивнула:

– А как давно ты или Андрей видели её в последний раз?

Порохов задумался, Игорь достал ключи от машины, и та, повинувшись нажатию кнопки на брелоке, приветственно мигнула фарами.

– Давайте где-нибудь перекусим и заодно обсудим, – предложил Князев.

– Куда обычно? – тут же отозвалась Маргарита.

– Почему бы и нет.

Ларнис пожал плечами:

– Давайте. А где у вас обычно?

Игорь назвал им адрес, садясь в свою машину, Маргарита привычно заняла место рядом с водителем, и просторный внедорожник тут же заурчал двигателем.

Андрею и Ларнису пришлось пойти чуть дальше: заехать на стоянку судебного морга им не позволили.

По пути Андрей поглядывал в сторону внедорожника, и Сирена аккуратно тронул того за локоть:

– Ты чего?

Иногда Андрея даже пугала чуткость Ларниса. Сам вопрос был задан таким тоном, что Порохов прекрасно понял, что тот имеет в виду.

– Игорь и Маргарита, вот чего, – буркнул Порохов, снимая свою машину с сигнализации и открывая двери. Хорошо, двигатель не успел остыть, и не придётся заново его прогревать.

Уже в салоне автомобиля Андрей поймал взгляд Ларниса: тёплый, медовый, понимающий, и вздохнул:

– Ну, чего?

– Ты же понимаешь, что даже если они действительно сойдутся, и Маргарита останется здесь, то Игорь никогда не станет набиваться к тебе в отцы?

– Да. Но у меня с одной стороны попытка начать воспринимать свою мать реально существующей, а с другой – мне сложно считать её матерью, когда она выглядит так молодо и... встречается с Игорем.

– Князев, конечно, та ещё заноза...

– Я не это имею в виду, – Андрей вбил в навигатор адрес ресторана, глянул на проложенный маршрут, завёл двигатель.

– Я знаю, – Ларнис пристегнулся, – но я думаю, что тебе остаётся только подумать, как с этим смириться: менять своё

общение из-за тебя ни он, ни она не станут. Правда, всё это имеет смысл, если они действительно... вместе. Хотя, ты дорог Маргарите, и к тебе она постарается прислушаться.

– Если я заговорю об этом, я себя уважать перестану, – Порохов выехал на дорогу. – Она имеет право выбирать себе кого угодно.

Он помолчал и посмотрел на Сирену:

– Она же не лезет в мою личную безбрачную жизнь, и я должен делать то же самое.

* * *

В ресторане оказалось уютно и тихо: четверых гостей провели за отдельный столик, огороженный с трёх сторон, вежливый официант принёс меню, понятливо удалившись и позволяя гостям выбрать. Свет, льющийся из тканевых абажуров, создавал странное, удивительно приятное ощущение полумрака.

– Хорошее место, – улыбнулся Сирена, вешая свою куртку на плечики и садясь на диванчик.

– Ага, – согласился Игорь. Он уже бегло просматривал меню. – Один из Зрячих держит. Но он так... следит только за ресторанчиком, своим районом и иногда звонит мне, если замечает что-то интересное.

Маргарита дождалась, пока мужчины рассядутся, а потом достала из сумочки планшет и оглядела остальных.

– Итак, мы убедились, что Прилипала продолжает реагировать на тело. Так, словно его самого что-то пугает. Никто из нас эту ауру не ощущает. Всё верно?

– Радиус изменился, – добавил Андрей, и Игорь одобрительно кивнул на это замечание. – В квартире они держались от неё на расстоянии трёх метров.

– Потом ближе подползали, – Ларнис хмурился, изучая меню и явно спрашивая сам себя, что он хочет. – Аура со временем исчезает.

– Добавим этот факт, – согласилась Маргарита.

Она подняла взгляд на подошедшего официанта и улыбнулась, первой делая свой заказ. Сирена отложил меню, подождал, пока рядом снова не будет кого-то чужого и сказал:

– Я её живой видел в последний раз одиннадцать дней назад. На ней были Прилипалы, как обычно – шесть штук.

– Это много.

– Да, но даже когда Андрей их чистил, возвращалось их примерно столько же. Иногда больше, иногда меньше.

Андрей взял салфетку и, складывая из неё какие-то причудливые фигурки, некоторое время молчал, потом негромко заметил:

– Я видел её дней пять назад. Мельком. Не сразу понял, а сейчас сообразил: на ней уже не было Прилипал. Тогда я подумал, что она могла попасть под волну чистки – моей или Ларниса. Но, может быть, это было ни при чём.

– Пять дней, – Игорь откинулся назад, положив руку

на спинку дивана. – Будем исходить из того, что пять дней назад она вляпалась во что-то, что оставило на ней отпечаток ауры, которая противна Сущностям. Я о подобном никогда не слышал и не читал.

– Я тоже, – отозвался Сирена.

– А Птичник мог слышать? – предположил Андрей. – Ларнис, не смотри на меня так – ты знаешь больше, но мало ли, что-то специфичное не попадалось никогда.

Сирена только фыркнул, но спорить не стал.

– Птичник... – Игорь покосился на завибрировавший мобильник, довольно кивнул сообщению и вздохнул. – Ну, можно и к нему съездить, спросить. И в библиотеку сходить, может, ещё у Жука поинтересоваться. Потому что пока я ощущаю, что мы наткнулись на нечто интересное, но совершенно неизвестное.

– И будем расследовать? – уточнила Маргарита. Игорь улыбнулся ей:

– Кто у нас первым начал опрос?

– Мы теперь знаем чуть больше, и, возможно, нам это не надо?

– Не надо знать, что есть нечто, пугающее Сущностей? Ты это хотела услышать?

– Я хотела услышать, что мы этим занимаемся. А значит, распланировать действия.

– Понял, тогда планируй, – согласился Князев и кивнул подошедшему официанту, поставившему перед гостями

часть заказа.

Маргарита шутливо ткнула мужчину пальцем в бок и снова вернулась к планшету. Что-то на нём набрала, потом сказала:

– Андрей, раз ты предложил, то договорись завтра съездить к Птичнику. Ларнис, сможешь поспрашивать у кого-нибудь? У тебя свой круг знакомых, с которым мы не пересекаемся. Я в библиотеку, а Игорь тогда отследит, что напишут в отчёте о вскрытии, и осмотрит квартиру ещё раз. Ты можешь забрать дело себе?

– Не буду, – покачал головой посерьёзневший Князев, – иначе возникнет куча вопросов, и начнутся лишние движения. Но копию дела я получу, в квартиру сам заеду.

– Нам бы её соцсети проверить, – протянул Андрей, начиная есть свой салат.

Игорь тоже придвинул свою тарелку и вооружился ножом и вилкой:

– Обязательно. Возможно, правда, это не связанные вещи, и аура проявилась у неё самой.

– Надеюсь, что нет, – Ларнис отпил глоток сока. – Да и... Аура была чужая, скорее всего. Не тот у неё был характер, чтобы создать такую ауру, которой боятся Прилипалы. К Зрячим они тоже не подходят, но никогда не реагируют на таком расстоянии. Тут что-то другое. Считайте творческой интуицией.

– Или надеждой.

– Или надеждой, – согласился Сирена. – Если это была её собственная аура, история слишком быстро и непонятно закончится.

Глава 2

Начало февраля

Этан лениво гонял кусок льда по дорожке (внимательно следя, чтобы никому не помешать) и чувствовал себя дураком.

Он пришёл на то же место, где вчера встретил мужчину в белом, но уже десять минут ходил один вдоль невысокого ограждения и ждал. Мальчик специально договорился с Игорем, что сегодня повторит подвиг с метро, поспешно вышел со школы, добрался до нужного места, и всё застопорилось.

Он почему-то был уверен, что тот незнакомец уже будет на месте.

Оказалось, ошибся.

А ещё Этан ждал, что снова будет хоть какое-то видение, наподобие того, что было вчера. И он сможет кого-то спасти или просто заглянуть в будущее (это было бы очень удобно, потому что сегодня в школе была контрольная работа, и Этан опасался, что не на все вопросы ответил верно).

Но видения не было, «ангела» – тоже, и подросток уже задумывался над тем, что ему всё вчера просто показалось. Расфантазировался, надумал, решил, что особенный...

– Здравствуй, – голос раздался откуда-то из-за спины, и Этан мгновенно развернулся, по привычке сжимаясь, чтобы не ударили. И тут же нахмурился, сам себя мысленно об-

ругав: здесь его никто не будет бить. Наверное.

Перед ним был тот самый незнакомец. В том же пальто, такой же красивый, как и вчера, с теми же, странного глубокого цвета фиолетовыми глазами.

– А... Здравствуйте, – в этот раз незнакомец говорил по-русски, и Этан машинально ответил ему на русском, старательно выговаривая сложное слово.

– Не замёрз?

– Нет, – насупился Этан. Ему и правда пока не было холодно: куртка и джинсы прекрасно справлялись с едва-едва минусовой температурой.

– Хорошо, – кивнул «ангел», – тогда давай займём вон ту лавочку и поговорим.

– Да, – на русском Иней предпочитал отвечать односложно: ему пока трудно давались длинные конструкции.

Лавочка располагалась недалеко от дорожки и даже издали выглядела заледеневшей. Но если это не смущало незнакомца, Инея это тоже не могло смутить. И он видел, что иногда ребята его возраста сидели на спинках... наверное, так было менее холодно? Впрочем, это пачкало сидения, и Инея такое коробило. Высокий мужчина прошёл к лавочке первым и провёл над ней ладонью. Этан замер: от лавочки повалил пар, весь лёд и влага ушли в воздух, и даже вокруг ощутимо потеплело. Да, он уже видел странное в компании тех, кто называл себя Зрячими, но это его удивило ещё больше. Мужчина сел, сделал приглашающий жест для Этана, и тот

устроился рядом, но не сильно близко к «ангелу», опасаясь того запачкать.

– Этан или Иней? – спросил мужчина и подросток вздрогнул. Он же ещё не представился.

– Не знаю. А как правильно?

– Как тебе отзывается. Райм – тоже Иней, ты знаешь?

– Знаю, – Этан старательно продолжал говорить по-русски. – Странно называться переводом своей фамилии... – тут же тихо пробормотал он на английском, – или нет?

– Меня называют Гадалка. В русском варианте. В английском – Soothsayer. Во Франции: Le prophète... Моё имя для всех несёт суть, но оно и отзывается в них понятным образом. Этан – твоё имя, но твоё ли? Иней... Иней – твоя суть. И в русском ты можешь быть Иней, в английском – Rime... на других языках ты станешь тоже нести свою суть, и, возможно, то, как тебя будут называть, будет меняться. Или становится попыткой произнести Иней. Ты никогда не угадаешь, как будут потом называть тебя люди, которые почувствуют твою суть – но есть то, как тебе будет нравиться, чтобы называли тебя.

– А что нравится вам? Как Вас зовут? – снова по-русски. Незнакомец чуть улыбнулся:

– Моё имя достаточно трудно произнести.

– Я попробую.

– Называй меня Льер.

Этан попробовал повторить причудливый набор звуков,

и когда ему это удалось настолько, что он воспроизвёл даже интонацию Гадалки, его снова накрыло видение: огромное, бесконечное, дикое пространство, в котором даже звёзды пляшут. Видение мелькнуло, исчезло, и в этот раз Этан даже не почувствовал себя плохо.

– Что это было?

– Ты – предсказатель, Иней. Можешь им стать, если я научу. Захочешь – пойдёшь дальше и станешь ещё сильнее.

– А если не захочу?

Льер рассмеялся:

– На твоём месте хотели бы оказаться тысячи и тысячи. Но я никого не принуждаю: выбор должен быть свободным.

– Я готов научиться предсказывать, – решил подросток, – и... пусть будет Иней. Это и правда – я.

Гадалка кивнул, сплёл пальцы рук и некоторое время на них смотрел:

– Начнём с основ...

* * *

Игорь вышел на небольшой пятачок курилки, расположенный рядом с офисным центром, достал сигарету, поджёг, коротко затянулся. Дальше сигарета тлела в пальцах, а Игорь Князев – высокий, широкоплечий, с коротким ёжиком светлых волос, одетый, как и остальные в этом районе, в стильный костюм и средней длины пальто, – слушал. Слу-

шал, о чём говорили остальные курильщики, и выискивал среди них того, кто расскажет ему чуточку больше.

Игорь жил достаточно долго, чтобы суметь не только найти себе занятие по душе, но и добиться в нём существенных успехов. Хорошая высокая должность в структуре, о которой мало кто знал, свой дом, машина, приличных размеров счета в нескольких банках. Толковая команда, тщательно отобранная и вскормленная со студенческой скамьи. В своих ребятах, которые после одного или нескольких высших образований в очень непростых академиях тоже получили корочки той самой малоизвестной структуры – Игорь не сомневался. Некоторые из них даже были в курсе загадочного понятия «Зрячий», немногие знали даже больше этого, но таскать их на дела, связанные с Сущностями, Князев не собирался. Впрочем, от другой помощи он не отказывался.

Среди Зрячих у него тоже была команда: сначала одна, теперь – другая, и вот к новым соратникам Игорь пока не мог привыкнуть.

С Палычем и Офелией они понимали друг друга с полуслова. Улавливали настроения и намерения с полувзгляда. Но Офелия пропала в Мельбурне, и после тяжёлого разговора с Палычем Игорю пришлось вернуться домой и продолжить выполнять свой долг. Перед страной и перед людьми, которых они всегда старались защитить от Сущностей.

Игорь привык поступать так, как считал нужным: принципиальный, умный, хитрый, сильный – он никогда не юлил

ни перед кем. Возможно, аура уверенности в себе, которую он распространял, влияла на окружающих, но с ним и правда редко кто спорил.

А может быть, не видели смысла спорить с тем, кто часто оказывался прав.

Князев ещё раз коротко затыкнулся – чтобы не выделяться среди остальных курильщиков.

Сам он курил несколько раз когда-то в подростковом возрасте, но ему не понравился факт зависимости от какого-то там пучка табака, и Игорь отмёл эту привычку, как ненужную в жизни. Тем более, что в его молодости найти хороший табак и, уж тем более, хорошие сигареты было не так уж и просто.

Нужный человек пока не проявлял себя, и Князеву оставалось продолжать слушать и лениво размышлять.

Тем более, было о чём.

Во-первых, странный труп самоубийцы, которого сторонились Сущности.

Во-вторых, выделенный присматривать за Инеем человек уже дважды терял того из виду на некоторое время. На улице. Но Иней не был Зрячим, чтобы уметь отводить глаза.

В-третьих, с новой, стихийно образовавшейся командой надо было начинать нормальную полноценную работу. Точнее – продумать, как сделать из кучки Зрячих с разными способностями и характерами команду.

– А она не хотела мне просто так отдавать, пришлось

немного убедить...

Игорь даже не посмотрел в сторону голоса, не дёрнулся, спокойно сделал ещё затяжку и только после этого потушил сигарету, кинул окурок в урну и оглядел одного из двоих мужчин, что сидели на лавочке в трёх шагах от него. Тоже курили.

Князев сразу заметил, что держались они по-разному. Тот из них, что выглядел постарше – заискивающе кивал и улыбался, поглядывая на младшего: невысокого, неказистого, зато одетого явно дороже и стильней. Говорил тоже младший. С особой уверенностью, которая есть у руководителей или привычно богатых людей.

Игорь некоторое время изучал мужчину, а затем подошёл и подсел рядом на лавочку:

– Есть минутка?

Мужчина постарше хотел было уже возмутиться, но младший, поймав взгляд Игоря, только кивнул и жестом отослал подчинённого.

– Вот и славно, – улыбнулся Князев, – а то никак не могу на тебя попасть. Уже начал думать, что ты бегаешь.

Мужчина криво оскалился, выпуская дым Игорю в лицо, и рассмеялся:

– А с чего мне от тебя бегать?

– Откуда ж я знаю?

– Что надо?

Игорь посерьёзней и, достав телефон, показал «руководи-

телю» несколько фото, с которых смотрели разные девушки – в меру симпатичные, улыбчивые, неувовимо похожие друг на друга.

– Мне сказали, Сестричек видели в городе. Они к тебе приходили?

Мужчина выбил дробь пальцами на своём колене, раздуывая, потом нахмурился:

– Нет. А точно видели?

– Точно. Они одного важного дядю закрутили в клубе и раскрутили на много интересного.

– О... – собеседник Игоря покачал головой. – Опять за старое?

– Они разве прекращали? Только переезжают с места на место или ищут новые заказы.

– А твой важный дядя, думаешь, был заказом?

– Вот у тебя и хотел узнать. Ты, Слушатель, вроде должен слышать, что в городе происходит.

Мужчина криво усмехнулся:

– Они на меня злятся ещё с прошлого раза.

Игорь вопросительно выгнул бровь.

Слушатель пожал плечами, сделал затяжку, неторопливо выдохнул дым, выбросил окурок и продолжил:

– Хотели у моих птенцов остановиться, а я не разрешил. Птенцы были мелкие ещё, они бы потом только в расход...

– Понятно.

Игорь протянул мужчине конверт, и тот его мгновенно

убрал куда-то во внутренний карман пиджака. Потом раскурив ещё одну сигарету и серьёзно посмотрел на вставшего Зрячего:

– Я слышал, что в городе не только Сестрички есть.

– Что ещё странного?

– Можно сказать, что у нас тут аншлаг: с твоей-то новостью про Сестричек... – Слушатель затаился. – Получается, Сестрички – раз. Гадалку встретил один из птенцов – два. И что-то странное творится иногда в центре города. Ощущение, что Сущности иногда пропадают.

– Разбегаются? – тут же уточнил Игорь. Эта новость была не той, которую он надеялся получить, но возможно, могла оказаться ниточкой к странному телу.

– Что-то вроде. Не всегда, и нет какого-то эпицентра, чтобы вычислить, что их пугает.

– Или кто.

– Или кто, – Слушатель тоже встал. – Если что узнаю – передам через птенца.

Князев кивнул, неспешно дошёл до стоянки, сел в машину, посмотрел на ожидавшую его Маргариту и хмыкнул:

– Интересные новости.

– С кем встречался?

– Со Слушателем.

– Кто это? – Маргарита только недавно вернулась из другой страны, где провела последние двадцать лет, и её удивление Игорю было понятно. Выруливая со стоянки, он ответил:

– Городской всезнайка. Сам Зрячий, как ты понимаешь, но без допуска в библиотеку. Впрочем, он там долгое время был, научился всему, чему хотел научиться, и сдал пропуск. Сделал себе карьеру в качестве юридического консультанта, а параллельно создал некий культ имени себя, членов которого зовёт птенцами. Обработывает их, показывает фокусы, пристраивает на разные должности, и в итоге его сеть осведомителей есть почти везде. И платят ему многие просто за новости и информацию. Любит менять внешность, потому иногда приходится вылавливать на голос.

– Интересная фигура, – согласилась Маргарита, поправляя тёмные волосы и глядя на проносящиеся мимо дома. – Мне бы такой пригодился там, в Штатах. Что интересного он сказал?

– Он не слышал, что Сестрички в городе, зато сказал, что видели Гадалку, а также упомянул про странное поведение Сущностей в центре. Слово они начинают от кого-то иногда отстраняться. Но вычислить эпицентр он не смог.

– Сестрички... – Маргарита поморщилась. В отличие от личности Слушателя, эта троица была ей знакома и неприятна. – Это они министра обчистили?

– Да, мне как раз фото прислали, пока я шёл к этой курилке, – Игорь принялся к своему пальто, поморщился и развеял сигаретный запах. – И чего люди находят в этой дурной привычке?

– Каждый своё, – пожала плечами женщина и снова вер-

нулась к делам. – А что ты с ними сделать планируешь? Они всё-таки тоже Зрячие.

– Они нарушили закон, – твёрдо возразил Игорь. – Поймаю – накажу. Надо будет, посажу на пару лет под замок. Запру способности ритуалом.

– Ты его уже пробовал?

– Да, было дело кое с кем другим, – Князев свернул на дорогу к дому и покосился на Маргариту. – Ты же в курсе, что Зрячий – не равно хороший.

– В курсе, – женщина вздохнула, прикрывая глаза. – Гадалка в городе, а записи нет?

– Нет, её не объявляли.

– Ну, могут же у него быть и свои дела, – Маргарита коротко пожала плечами. – А вот разбегающиеся Сущности...

Машина въехала в открывшиеся ворота, Игорь припарковался в гараже, и там же его встретили радостные доберманы. Князев погладил собак, посмотрел на выглянувшего в окно Инея, улыбнулся ему и вместе с Маргаритой вошёл в дом. Иней подошёл ближе:

– Я сегодня получил пять, – дома он старался говорить на русском, и Игорь это стремление поддерживал, хотя всегда подчёркивал, что готов слушать подростка на любом языке.

– Ты молодец! – Маргарита тут же обняла Инея, и тот смутился: он до сих пор считал, что ласка – это нечто, не заслуженное им. Игорь повесил пальто на плечики и убрал в про-

сторный гардероб, хмыкнув:

– Я в тебе не сомневался. Мне звонила твоя учительница, говорила, что ты очень старательно учишься.

– Мне надо много нового узнать, – кивнул Иней и, когда Маргарита, поцеловав подростка в щёку, ушла переодеваться, тихо сказал: – Надо поговорить.

– Давай поговорим, – Игорь тут же перешёл на английский, чтобы Инею было проще. – Что-то случилось?

– Я буду брать дополнительные занятия.

– По какому предмету? Тебе нужно найти преподавателя?

Бес и Бандит сели у ног Инея, преданно глядя на маленького хозяина. Тот неловко потрепал собак по голове и вздохнул, как в воду кинулся:

– Меня учат предсказаниям. Он не сказал, что нельзя говорить, а я не хочу от тебя скрывать.

Игорь прекрасно умел складывать дважды два, потому выводы сделал мгновенно:

– Гадалка.

– Да.

Князев сел на стул, поманил Инея к себе, и когда тот подошёл, серьёзно посмотрел в голубые глаза подростка:

– Спасибо, что рассказал.

– Ты не против?

– Если тебя учит Гадалка, значит, у тебя есть такие способности. Было бы глупо их не развивать. Но если он тебя обидит – скажи, я разберусь.

Игорю на мгновение показалось, что Иней что-то хочет сказать, но тот только чуть насупился и прерывисто вздохнул:

– Будем чай?

Игорь кивнул в сторону машины:

– Да, я там купил разного-вкусного. Принесёшь?

Иней тут же умчался в гараж, и собаки хвостами за ним, а Князев снял пиджак и галстук, занёс в гардероб и, выйдя, сел на стул в столовой.

Внимание Гадалки к подростку настораживало. Но с учётом того, что мальчик был «ценой» Ларниса за информацию, пожалуй, не удивляло.

Игорь сам принял решение усыновить Этана Райма, потому что...

Потому что считал это правильным, и он прекрасно понимал, что может дать подростку. Что он готов дать: безопасность, умение жить в этом мире и постоять за себя. И просто – дом, которого у Инея, выросшего в семье наркоманов, собиравшихся продать его неизвестно куда, не было.

Дом, уют, защиту, силу.

Конечно, Игорю хотелось, чтобы Иней относился к нему как к отцу. Но он ни в коем случае не торопил события – хуже обращения по имени было только принудительное «папа».

Подросток занёс в столовую пакеты с покупками, щёлкнул выключателем чайника и тихо-тихо спросил:

– Ты не злишься?

Игорь мысленно порадовался, что, хотя бы, отучил его вы-
кать.

– А должен?

Иней нахмурился, сел рядом с Игорем и, помолчав, про-
должил также тихо:

– Я не знаю. Может быть, я – неправильный. Ты же при-
гласил меня к себе, как нормального. А я...

Игорь никогда не считал себя несдержанным человеком,
но сейчас ощутил настоятельную потребность сперва мед-
ленно сосчитать до пяти. Сосчитал. И спокойно ответил:

– Этан, ты – нормальный. Ты можешь заниматься с Га-
далкой, можешь начать прогуливать уроки, можешь органи-
зовать свою рок-группу или увлечься компьютерными игра-
ми – ничего из этого не сделает тебя ненормальным. Я при-
нял тебя таким, какой ты есть: и я отдаю себе отчёт в том, что
мы знакомы всего полтора месяца. А это значит, что многие
твои поступки, характер и мысли могут оказаться для меня
сюрпризом. И для тебя тоже. Если Гадалка говорит, что ты –
предсказатель, то это здорово. Если ты окажешься Зрячим –
будет ещё лучше. Не окажешься – это тоже очень хорошо. Я
не умею говорить всякие нежности и быть хорошим отцом,
но я от тебя не откажусь.

Иней отвернулся, и Игорь понимал, что подросток прячет
слёзы. Поэтому он, вздохнув, позволил себе то, чего ранее
старался избегать, чтобы не напугать. Просто притянул к се-

бе, разворачивая и обнимая.

И это простое и понятное действие неожиданно оказалось последней каплей: мальчик вцепился в рубашку Игоря и разрыдался, выплёскивая всю боль, страх и одиночество, которые скопились в нём за последние годы.

Мужчина, по-отечески крепко и тепло обнимающий подростка, сначала молчал, а потом негромко начал что-то говорить, утешать, поглаживая Инея по спине, он не мешал ему плакать и не обращал внимания ни на промокшую рубашку, ни на пиликающий где-то в холле телефон.

В конце концов, Этан затих, потом медленно разжал пальцы и тут же испуганно посмотрел на Игоря. Ожидая наказания.

Игорь покачал головой и улыбнулся:

– Тебе никогда не надо меня бояться. Я на твоей стороне.

Иней кивнул и молча прижался к Игорю.

Маргарита, спустившаяся обратно, некоторое время просто стояла в стороне, а потом зашла в кухню-столовую и весело спросила:

– Кому чего налить?

Иней обернулся к ней, поспешно вытирая щёки, и улыбнулся, что делал очень редко:

– Чаю.

Андрей откинулся в кресле и несколько минут просто смотрел в потолок.

Его смена закончилась полчаса назад, можно было ехать домой, но они с Ларнисом и Никой договорились пообедать после репетиции певца, и торопиться Андрею было некуда.

К счастью, Лямцев – главврач больницы, где трудился Порохов – ещё месяц назад окончательно закрепил кабинет за Андреем, переведя второго хирурга в другое помещение, и Андрей мог не думать, что кому-то мешает.

Порохов снова посмотрел на экран монитора, где висел открытый текстовый файл – в блокноте, безо всяких автосохранений, – и задумчиво коснулся пальцами подбородка.

Вот уже двадцать минут он составлял «весёлый» список происшествий за последний год. Получалось, что с мая того года у него выдалась жизнь куда насыщеннее, чем за прошедшие десять лет, в которые он уложил учёбу в медицинском университете, ординатуру и работу хирургом. Он не только стал Зрячим и получил возможность видеть Сущности – некую паразитическую форму жизни, которая питалась страхом, провоцировала его и вырастала в опасных тварей – но и...

Потерял девушку, с которой встречался несколько лет.
Нашёл команду единомышленников.

И не только.

Разыскивал (и разыскал) опасную Сущность, достигшую четвёртой категории.

Получил предложение стать заведующим в коммерческой клинике.

И в родной больнице.

Узнал, что теперь должен странному предсказателю, который убивает тех, кто не вернёт долг...

Андрей потянулся к клавиатуре, чтобы дописать ещё один пункт, когда в дверь постучали. Порохов тут же удалил текст и закрыл документ. Это было что-то настолько личное, что ему не хотелось это даже сохранять.

Как нечто постыдное?

– Да?

Дверь открылась, и в кабинет зашла главная медсестра Наина – в больнице её все звали «мама Ина». Она улыбнулась Андрею, села на стул около его стола и вздохнула:

– Я ж по делу.

– Что случилось?

Порохов выпрямился и внимательно посмотрел на маму Ину. У неё были ровные отношения со всеми, и все её любили за жизнерадостный и твёрдый характер: за своих подопечных она стояла широкой грудью.

– Тут у нас новая девочка в офтальмологическом отделении, молоденькая совсем, хочет перевестись в хирургическое. Она пришла куда взяли – чтобы в больницу, а так меч-

тала оперировать, и говорит, что ассистировала ранее. И сертификат есть даже.

– А я при чём? – если бы не искренне удивлённый тон, вопрос прозвучал бы грубо. – У нас есть заведующие, это же с ним согласовывается.

– Он сказал, что если кто-то из хирургов возьмёт её к себе в команду, то согласится с переводом.

Андрей вздохнул. В последние месяцы его в отделении считали новоявленной звездой, потому что часть пациентов, пришедших по сарафанному радио, настаивали, чтобы операцию делал именно Порохов. Это льстило, да и у Зрячего действительно было больше шансов спасти пациента в случае непредвиденных ситуаций, но и добавляло проблем.

Например, вот таких.

– И ты хочешь, чтобы я её к себе забрал... – он выбил дробь пальцами по столешнице и кивнул. – Давай сделаем так: она придёт ко мне, я её возьму на операцию и посмотрю, готов ли поручиться за неё. А то котов в мешке я не очень люблю.

– Конечно, я ей скажу. Когда?

Порохов взглянул на список плановых операций и дежурств, выделил несколько несложных и написал на небольшом листе даты и время:

– В любой из этих дней. За полчаса до начала пусть ко мне подойдёт. Зовут её как?

– Лиля. Лилия Поплавская, – мама Ина довольно улыбу-

лась и встала. – Спасибо, Андрей! Если что надо будет – ты только скажи.

– Сначала всё-таки надо, чтобы она себя проявила, а то вдруг я окажусь злыднем и откажусь?

Наина рассмеялась, а Порохов глянул на часы: ещё десять минут и можно выезжать.

После ухода главной медсестры он выключил компьютер, прошёлся по кабинету, а потом собрал рюкзак, который в последнее время таскал с собой, и пошёл на первый этаж, в гардероб для сотрудников.

По пути привычно почистил Прилипал и впервые почувствовал, ощутил, как сила вернулась обратно.

* * *

Лазарь гулял по городу.

Гулял третий день, прерываясь на отдых в съёмной квартире – он съехал с отеля – и изредка оставаясь наедине с собой в каком-нибудь укромном парке.

Холод его не беспокоил, и февральские морозы, ударившие, как обещалось в прогнозах, и загнавшие по домам и торговым центрам многих праздно шатающихся, – тоже.

Лазарь любил холод. Лазарь любил жару.

Для него не существовало плохой погоды – ему всегда невероятным образом было комфортно. Разумеется, когда-то давно, когда он ещё умел бояться, он испытывал раз-

дражение от промозглого ветра, от пота при палящем солнце, но это время прошло, и Лазарь не мог не порадоваться, что больше не зависит от причуд окружающего мира.

Иногда он подозревал, что умер тогда.

Но сердце билось, кровь из раны текла, он дышал,пил, ел, после выпитое и съеденное просилось наружу естественным способом, и тогда оказывалось, что он всё-таки жив.

В этом сквере Лазарь сидел на лавочке и рассматривал многочисленных прохожих: час пик, люди бегут с работы по домам, в темноте под фонарями можно выхватить лица, и они тут же исчезают в темноте.

А мужчина искал замену Лизоньке.

Новость про её самоубийство он нашёл не сразу, но нашёл. И крепко задумался: она не казалась той, кто решился бы убить себя. Для этого нужна сила воли, а Лизонька была очень слабохарактерной и ведомой.

Но выяснить обстоятельства её смерти Лазарь никак не мог – он предпочитал не привлекать внимания к своей персоне и порадовался, что с ним больше нет того телефона и той сим-карты, с которой он общался с девушкой.

Мужчина прикрыл глаза, подавив волну дрожи, которая накрыла его: значит, голод близко. Настолько близко, что ему определённо нужно поторопиться с поиском кого-то...

– Ох! – невысокая, симпатичная девушка поскользнулась и упала бы, если бы Лазарь не поймал её в последний момент и не помог встать на ноги. – Спасибо!

Он улыбнулся, оглядывая девушку и почувствовал удивительное единение душ.

– Пожалуйста, будьте аккуратны.

Высокий, статный, обаятельный – Лазарь всегда знал, как очаровать кого угодно, – и потому он чуть склонился к собеседнице и проникновенно спросил:

– Позвольте вас проводить? В парке очень скользко.

Она чуть смутилась, даже в свете фонарей мужчина заметил скользнувший по щекам румянец, и несмело кивнула:

– Да, если вам это по пути...

– Ян, – он галантно предложил ей руку, и она несмело улыбнулась в ответ:

– Красивое имя. А я Эля... Элла, но меня все зовут Эля.

Снег падал и искрился в свете фонарей, а Лазарь, идя по улице думал, что Судьба благосклонна к нему.

Эля.

Элечка.

* * *

Ларнис сидел в ресторане и болтал соломинкой в своём коктейле, разглядывая Нику. Коктейль был безалкогольный, лёд ещё не успел растаять и потому весело булькал в высоком стакане, а девушка, нахмурившись, что-то читала в телефоне, потом быстро писала.

Веронику Андрей встретил несколько месяцев назад

в своей же больнице, когда та рассказывала об увиденных Прилипалах кому-то в палате (Сирена не запоминал, кто там был). Потом рыжую улыбчивую девушку восемнадцати лет навестил вездесущий Чёрный, рассказал, что она – Зрячая, и заодно сделал Порохова её тренером, когда Ника приняла решение бороться с Сущностями.

Самому Ларнису Ника нравилась: яркая, живая, очень старательная, перспективная артистка, на своём человеческом уровне, конечно. Сирена взял её во вновь созданную труппу и пока ни разу не пожалел. Вероника бросила учёбу в университете, куда её заставила поступить мать, нашла подработку, готовилась поступать этим летом в театральный и при этом ещё успевала и в библиотеке учиться, выполняя задания Андрея, и мотаться на репетиции к Ларнису.

Сейчас она была расстроена, и Ларнис загадал: если в течение пары минут не придёт Андрей, то он всё-таки спросит у девушки, в чём дело.

– Привет!

Андрей появился на шестьдесят пятой секунде, повесил куртку на вешалку и сел за стол. Тепло улыбнулся Сирене и Нике, девушка робко улыбнулась в ответ, и Ларнис едва успел скрыть смехок. Они с Андреем так и не поняли, чьё внимание Ника ревнует сильнее: Порохова или Сирены.

– Как сутки?

– Никто не умер, и это уже победа, – Андрей взял меню, внимательно изучая, потом сделал выбор, дождался офици-

анта, заказал и посмотрел на собеседников. – А у вас как?

– Потихоньку, – Ларнис закончил играть с коктейлем и решил, что его можно уже пить. – Я сегодня придумал концепцию концерта, в апреле буду стартовать с ним. Обкатаем тут, в Москве, а потом на гастроли.

Порохов кивнул:

– Это очень хорошо, нагло буду надеяться на контрамарку. Или как там она называется?

– Все свои будут с приглашениями, – лукаво посмотрел на Андрея Ларнис. Сирена вообще чувствовал себя постепенно оживающим, после долгих лет закрытости ото всех, кроме подобных ему существ. Но их было слишком мало, и они были слишком... заняты, чтобы быть с ними часто. И так, как того иногда хотелось.

– Ловлю на слове! А для Зрячих версия будет?

– Обойдутся, не в этот раз.

Андрей хмыкнул и посмотрел на Нику:

– Что у тебя случилось?

Девушка вздрогнула: она снова ушла с головой в телефон, и вопрос застал её врасплох.

– Я... Ругаюсь.

– С кем? – Ларнис решил, что теперь ему можно удовлетворить своё любопытство.

– Да тут из бывшей группы в универе написали, там у препода дочка самоубилась, ему все скидываются, меня звали поучаствовать. А у меня денег лишних нет, ну и я уже от-

числилась, да и...

– А давно самоубилась? – подобрался Андрей, и Ларнис прямо увидел, как тот, словно охотничий пёс, втягивает носом воздух в поисках следа.

– Да вот на днях. Таблеток наелась или ещё что. А я... Ой. Это ж не та, что рядом с Ларнисом жила?

– А вот не знаю. Я не верю в такие совпадения, но чего только не бывает... – Андрей кивнул на телефон Ники. – Есть фото?

– Сейчас найду. Или имя хотя бы...

– Как зовут препода? – уточнил Ларнис.

– Его? А, сейчас, Сергей Ефимович. Болотов, кажется.

– Она, скорее всего, – Андрей помолчал, пока официант расставлял заказанное Никой и Ларнисом на столе, и показывал головой, – но что это нам даёт? Скорее всего, от него мы не получим ничего, что не сможет добыть Игорь.

– Ника сходит на похороны. Когда они?

– Завтра, – тихо пискнула девушка, понимая, что, кажется, в неё прилетело заданием.

– Вот завтра и пойдёшь. Я тебе дам конверт с деньгами, а ты заодно посмотришь, будут ли на ней Прилипалы, и проверишь, нет ли ещё на ком-то такого эффекта, – решил Ларнис, опережая Андрея. Порохов тихо фыркнул:

– И нечего читать мои мысли.

– А я ещё не научился, – Сирена, не сдержавшись, снова улыбнулся, и вся серьёзность слетела с него, подобно шелу-

хе.

– Боюсь думать, что будет, когда научишься.

– Гарантирую: это будет весело.

Ника, которая снова что-то набирала в телефоне, хмыкнула:

– В общем, я напросилась прийти завтра на похороны от группы. Сказала, что деньги наличными есть, потому сама и передам. Так, а что именно надо смотреть с Прилипалами?

Андрей, дождавшись своего заказа, вздохнул и быстро рассказал всё, что они успели узнать о странном самоубийстве Елизаветы. Ларнис в это время размышлял, из-под полуопущенных ресниц разглядывая хирурга.

Кажется, придётся действительно сходить к соплеменникам и там поспрашивать, не встречал ли кто-то такой эффект?

И если не встречал, то... Что это может значить?

Ника проводила долгим взглядом уезжающую машину, в которой остались Андрей и Ларнис, и тихонько вздохнула.

Снова пошёл снег: крупный, липучий. Он создал вокруг Ники ощущение метели, потому что небо потемнело, надвинулось, высыпало из себя снежинки. Девушка быстро забежала в подъезд, не стала дожидаться лифта, бегом поднявшись на шестой этаж простой панельной девятиэтажки, и уже у самой двери достала ключи. Мельком глянула на время: половина пятого, значит, мама точно на работе.

Ника открыла двери, разулась и аккуратно повесила пуховик на крючок в прихожей. Вздохнула теперь более громко, разглядывая привычную с детства маленькую двушку: обои давно пора менять, линолеум на полу волнуется уже слишком сильно, потолок... После того, как их залила сумасшедшая тётка сверху, потолок тоже не радовал. Мебель обновить бы: она, конечно, крепкая, советская ещё, но настолько облупленная...

Приводить сюда друзей Нике было стыдно. Но она прекрасно понимала, что мать делает всё возможное, чтобы им жилось нормально, и не злилась на неё. Разве что иногда, когда мама пыталась диктовать, как Нике жить.

И теперь, приняв много важных решений в своей жизни, Ника была намерена научиться всему, до чего дотянется, и заработать сначала на ремонт, а потом...

Впрочем, так далеко девушка не заглядывала.

Настроение, испорченное спорами с бывшими однокурсниками, никак не хотело подниматься. Девушка прошла на кухню, посмотрела на хмурое небо за окном, заволакивающее пространство снегом, щёлкнула выключателем, и яркий свет от лампочки немного разогнал зимние сумерки. Чайник послушно заворчал, грея воду, Ника достала чашку из шкафа (мама всегда убирала все чашки со стола), кинула в неё пакетик, подумав, сыпанула сахара и села дожидаться кипятка. Золотистая скатерть неожиданно напомнила уехавшего Ларниса, и Ника, против воли, смутилась. Сама себе,

своим мыслям о нём, своим... мечтам?

Конечно, нет ничего необычного в том, чтобы влюбляться в звёзд. Нет ничего необычного в том, чтобы за ними следить, хранить фото, искать возможности встретиться... Но девушка никогда не относилась к чьим бы то ни было фанатам, благополучно миновала возможные тусовки и клубы по интересам, не упав ни в какое из поклонений до той самой поездки в Париж. Мама два года на неё копила, ничего не говоря Нике, а потом устроила сюрприз на осенние каникулы. И пять лет назад Ника побывала на концерте певца, который официально был и не сильно-то известен: Сирена. Ещё упиралась, помнится, хотела пойти погулять по вечернему городу, вместо сидения на концерте. И билеты они получили случайно: выиграв в ресторане...

А оказалось, что из Парижа она привезла только одно воспоминание: невысокая фигура певца в белом и золотом и невероятный, мощный, красивый голос. Песни были незнакомые, часть текста на английском она даже худо-бедно понимала, но это было не главное.

Она сделала фотографию сцены на простенький фотоаппарат, который они взяли с собой, потом распечатала это фото и хранила в шкатулке с самыми дорогими сердцу вещами. Всемогущий интернет подкинул ещё записи концертов, множество хороших чётких фотографий этого загадочного певца, и Ника, повинувшись желанию быть хотя бы на полшага ближе к Сирене, пошла в театральную студию при школе.

Сама личность Сирены при этом оказалась тайной, которую интернет не был способен открыть девушке: как его зовут, где живёт, когда у него день рождения? Множество вопросов и минимум ответов.

Человек-загадка.

Чайник щёлкнул, Ника оглянулась на него и решила, что чай подождёт. Ей хотелось движения и... развеяться. Как всегда, при мысли о Ларнисе (теперь-то она знала, как его зовут и многое другое). Она переоделась в спортивный костюм, обула кроссовки (на снегу в них даже сложнее бегать, но... это тоже считалось тренировкой), натянула шапочку на пышные рыжие волосы и вернулась в снегопад.

Хорошо, что неподалёку был сквер, и можно было бегать там.

Свежий снег приминался под ногами, привычные дорожки среди оголённых стволов деревьев помогали успокоиться и начать думать, что же делать дальше? Сегодня ей ещё предстояло сесть за повторение школьной программы – в театральном нужно было принести результаты сданных экзаменов, желательно свежих.

А вот актёрское мастерство и прочее...

При мысли о Ларнисе Ника едва не сбилась с бега, но потом заставила себя сосредоточиться на движении, пришла в себя и снова подумала о Сирене. Встреча с ним – её кумиром, которого она обожала несколько лет, – была судьбоносной во всех смыслах. Если бы не Ларнис, она бы не ре-

шилась бросить свой экономический факультет посреди года и теперь готовиться к поступлению в другой ВУЗ под его руководством. И певец с золотыми волосами и невероятного медового цвета глазами оказался таким тёплым, искренним, добрым, что Ника иногда задавалась вопросом: не спустился ли Сирена откуда-то с небес? Девушка к вере относилась очень отдалённо, но рядом с поистине неземным Ларнисом была готова поверить во всё, что угодно.

На третьем круге у Ники настойчиво завибрировал браслет, считающий шаги, она покосилась на него и увидела, что звонит мама. Пришлось достать телефон из внутреннего кармана и ответить.

– Вера, ты уже дома?

– В парке гуляю, – Нику до сих пор приводило в восторг то, что она могла быстро успокоить дыхание после бега, да и стала куда более выносливой.

– Купишь хлеба и молока?

– Да, хорошо, – Ника порадовалась, что взяла с собой телефон, и можно было оплатить покупки с него. – У тебя всё хорошо? Очень расстроенный голос.

– Дома расскажу, – суховато и неловко ответила мама и закончила звонок.

Девушка несколько секунд смотрела на замолчавший телефон и хмурилась: кажется, день не думал выравниваться. Она убрала гаджет обратно во внутренний карман и снова побежала. Теперь быстрее, сильнее и попутно очищая

от Прилипал всех прохожих. Едва не поскользнулась, но выровнялась и ускорила. Вот до той статуи пробежать и...

Ника остановилась на полпути, потому что увидела странное: высокий, очень высокий плечистый мужчина вёл под руку девушку куда-то к выходу из сквера. Станным было не это, а то, что с людей, проходивших мимо этой пары, куда-то исчезали Прилипалы. Но никто точно не был Зрячим – привычной силы Ника не чувствовала, а она за три месяца отлично научилась её ощущать.

Побежать и догнать? Проследить?

С такого расстояния она не видела ни его, ни её лица, и уж тем более не могла понять, от кого из двоих бегут Прилипалы. Девушка подобралась, и тут её что-то жёстко ударило по икрам: она не удержалась, падая на дорожку и спешно оглядываясь.

Ребёнок на пластиковом снегоходе, пытаясь начать плакать, смотрел на неё в ответ. Ника, морщась, встала, и тут подскочила встревоженная бабушка ребёнка:

– Димочка, ну я ж говорила, не надо с горки в людей кататься... Вы не ушиблись, всё в порядке?

Ника улыбнулась через силу – колени болели после жёсткого приземления – и покачала головой:

– Всё в порядке.

Ей надо догнать эту странную парочку!

Девушка снова сказала, что всё хорошо, и пошла, сначала медленно, а потом быстрее к выходу из сквера. Затем, по-

чувствуя, что нога стала болеть меньше, побежала мелкой трусцой, но, когда она добралась до широкой улицы, высокого мужчины и его спутницы нигде не было видно.

Ника досадливо закусилa нижнюю губу и пошла в магазин.

Вечером, за ужином, который Ника разогрела для себя и мамы, та сообщила, что её увольняют.

«Плакал наш ремонт», – было первое, о чём подумала Ника, тут же запретив себе плакать вместе с ним от досады.

Она справится.

* * *

Зрячие привычно расположились в гостиной Игоря. Вернувшаяся из командировки Леона привезла целую корзину свежих фруктов откуда-то с юга. Фрукты отлично дополнили атмосферу, и Зрячие начали разговор с улыбками.

Впрочем, достаточно быстро посерьёзтели: Игорь достал ноутбук и покосился на сидящего рядом Инея, тихо сказав: – Если что-то не поймёшь, я переведу.

Тот кивнул в ответ. Он забрался в широкое кресло с ногами и внимательно смотрел на всех, держа в руках персональный подарок от Леоны – что-то в тканевом мешочке.

Андрей хотел уточнить у Князева, зачем здесь ребёнок, который даже не является Зрячим на данный момент, но решил оставить вопросы на потом.

Если, конечно, Игорь сам не объяснит.

– Итак, что у нас есть по Болотовой на данный момент. Двадцать один год, училась на культуролога в крупном хорошем университете, отец – преподаватель. Елизавета Сергеевна нигде не работала, деньги ей давали родители: и оплачивали комнату в квартире, где Елизавета жила с друзьями, и выделяли приличную сумму на еду и прочие девичьи радости. По друзьям у нас есть следующее: она сама была не очень общительной, достаточно тихой, со своими проблемами и комплексами, о которых, впрочем, почти никому ничего не рассказывала. В соцсетях мы нашли три её аккаунта, один из которых совершенно заброшенный, второй официальный, если можно так выразиться, а третий – фиктивный, но она от него была в сети большую часть времени, – Игорь посмотрел на Инея. – Я не слишком быстро говорю?

– Нет, я... чувствую, о чём речь.

– Хорошо. Итак, мои ребята прочитали переписки и только в одном из диалогов нашли любопытное: она за шесть дней до смерти написала, что познакомилась с неким мужчиной, который «заставляет её сердце биться чаще», имени не называла, никаких других описаний нет. А дальше странное – за два дня до смерти она пишет другому собеседнику: «Мне страшно. Мне почему-то очень страшно. Особенно, когда его нет рядом». За час до возвращения домой, где она приняла огромную дозу лекарств, она написала тому же человеку: «Наверное, мне просто страшно жить. Я не хо-

чу бояться!». При этом, соседи по квартире, они же друзья в реале, не в курсе этого мужчины и не слышали о нём. Я не знаю, что там у неё за знакомый, возможно, она наткнулась на Страшилу. Но это никак не сочетается с тем, что мы знаем о Сущностях: Страшила с Упырём питаются страхом жертвы, и тем самым жертва привлекает больше Прилипал. А тут совершенно противоположный эффект – Прилипалы вообще не трогали Елизавету, но ей было страшно. Я вижу в этом некий парадокс. Андрей, Ника, вроде, была на похоронах Болотовой вчера?

– Да, – Андрей кивнул, – она сказала, что Сущности вели себя как обычно, никаких похожих эффектов на похоронах она не заметила. Всё было в пределах нормы, и Прилипал в конце церемонии она уничтожила сама. Однако, накануне, в сквере недалеко от дома она встретила странную пару: очень высокого мужчину и девушку с ним. И вот от них Сущности пытались сбежать. Ника хотела догнать и рассмотреть, но в неё врезался ребёнок, и она упустила пару из виду. – Андрей достал телефон и протянул Игорю. На экране был небольшой участок карты с адресом.

– Они вышли из сквера с этого выхода... Отлично, поищем, проверим, – кивнул Князев, потом хмыкнул: – Я бы сказал «по наклону ваших голов», но скажу проще: по вашим вопрошающим взглядам я догадываюсь, что хотите спросить. И сразу отвечу: Иней здесь, потому что это его практика.

Ларнис выгнул бровь:

– Он практикуется... в чём?

– В предсказаниях, – тихо ответил сам Иней, теребя в руках тканевый мешочек. – Я учусь у Гадалки, и Игорь предложил слушать ваши... раз-го-воры. Может быть, я смогу видеть будущее или что-то ещё.

Сирена присвистнул, потом посмотрел на Князева:

– Ну, правда, и чего бы не воспользоваться ситуацией и не посадить ребёнка слушать про убийства и убийц.

– Этот ребёнок повидал достаточно, чтобы не смущаться, – парировал Игорь. – Тебе что-то не нравится?

Иней встал, подошёл к Сирене и коснулся его руки ладонью:

– Всё в порядке. Я могу помочь, и я хочу помочь.

Ларнис вздохнул, но дальше спорить не стал.

Каин поманил мальчика к себе и усадил рядом, приобняв за плечи. А тот чуть улыбнулся и немного расслабился. Рядом с Каином и Леоной он всегда ощущал себя маленьким, и это ему нравилось. Можно было вести себя как ребёнок, и никто его за это не ругал.

Игорь, правда, тоже не стал бы ругать (Иней это точно знал), но рядом с Игорем очень хотелось быть похожим на него самого: серьёзного и спокойного. А Каин сам был как большой мягкий кот и, наверное, на работе он был строгим, а в обычной жизни – улыбчивым и открытым. Чем и подкупал.

Андрей взял с низкого журнального столика дольку какого-то незнакомого белёсого фрукта и вздохнул:

– С Птичником ничего не получилось – трубку не берёт, двери не открывает. За дверями тихо.

– Неужели куда-то уехал? – удивилась Леона. – К нему вообще часто ездят?

Игорь нахмурился:

– Обычно раз в пару недель кто-то из моих ребят к нему приезжает, продукты привозит, – Князев не обратил внимания на удивлённый взгляд Леоны и Каина. – В последний раз они были десять дней назад, тогда всё было в порядке. Но к нему же ещё Зрячие иногда заглядывают и не только... Надо, наверное, съездить самим, проверить.

– Его там нет, – тихо-тихо сказал Иней. – Я вижу, что он убежал, а птиц взял с собой. Машина, и клетки в ней. Он сбежал от кого-то или чего-то, что его пугает в последние двадцать лет.

– Куда? – откровению подростка после слов Игоря о Гадалке никто не удивился.

– Он сам не знает, я видел только машину, птиц и дорогу. Далеко отсюда. Я чувствую.

– Хорошо, – Леона хмыкнула. – Значит, у него хотя бы всё в порядке, и он жив. А то я сначала подумала о самом худшем. Иней, кстати, ты стал гораздо лучше говорить по-русски.

Тот смущённо кивнул:

– Я стараюсь.

Маргарита, которая до того всё время молчала, потрепала голову добермана у себя на коленях и задумчиво спросила:

– А кто-нибудь знает, что вообще пугает Птичника?

Игорь кивнул:

– В общих чертах. Некая «Высшая Сущность», которую он однажды видел и чувствовал. Он был сильным Зрячим когда-то, у него было сложное расследование, он гонялся за двумя Маньяками, которые развивались параллельно друг другу. И в итоге, когда нашёл, одного убил, второй едва не убил его самого, и в этот момент появился кто-то, кого он ощутил, как Сущность невероятного уровня. И потерял сознание. Говорит, вокруг была крошечная тишина, и с тех пор он завёл толпу птиц и верит, что только они ограждают его от той самой «Высшей Сущности», которая иначе придёт и убьёт его.

– А кто-то ещё видел эту самую «Высшую»? – удивился Каин.

В последние месяцы он активно изучал русский и теперь намеренно просил говорить с ним только на этом языке, чтобы практиковаться.

– Никто.

– Не может вот этот вот наш странный человек быть тем самым? – предположила Леона.

– Сущности обычно не разбегаются в присутствии друг друга.

– Но этот «Высший», судя по тому, что Птичник остался жив, убил Маньяка. Может быть, он ими питается?

– Тогда это вполне совмещается с бегством Птичника, – подытожила Маргарита. – Он мог мельком ощутить в городе ту же силу и постараться оказаться как можно дальше.

– А остальные Сущности избегают его инстинктивно? Даже если он не пытается их тронуть? – уточнил Андрей, потом сам же себе ответил: – Не сходится. Ника бы почувствовала Сущность в той паре, а она восприняла их обоих людьми.

– Мы не знаем, что могут Сущности выше пятой, об этом просто не написано. Но чем выше категория, тем больше они визуально походят на людей. – возразил Игорь.

– То есть, версия с некой Высшей Сущностью у нас пока становится рабочей? – Леона посмотрела на Князева.

– Думаю, что её нельзя сбрасывать со счетов, но я бы не ставил всё на этот вариант.

– Потому что, если бы это было её нормальное свойство, мы бы давно заметили, – согласился с ним Каин, – а это нигде не описано, и никто о таком не слышал. Я не думаю, что этот гипотетический Высший все эти несколько десятков лет скрывался от Зрячих.

Князев хмыкнул:

– Именно. Итого, мы продолжаем наблюдение за городом, я ещё попросил всех знакомых Зрячих понаблюдать за Сущностями вокруг, если что – нам позвонят. Попробуем оперативно сесть на хвост. Камеры рядом со сквером я просмотр-

рю, попробуем найти эту парочку – вместе и по-отдельности.

Как только рабочее совещание стало просто встречей, обстановка в гостиной снова потеплела: Каин тихонько стал выпрашивать у Инея про учёбу, Игорь ушёл на кухню (послышался звук включённого чайника), Леона подсела к Маргарите, показывая фото ей на телефоне, а Ларнис переместился поближе к Андрею:

– У тебя на завтра какие планы?

Порохов достал телефон, посмотрел в календарь – теперь операций и смен в больнице у него было больше, чем раньше, и требовалось свериться:

– Я с восьми до семнадцати на работе, а дальше совершенно свободен. Что планируем?

Ларнис тихо, на самое ухо Андрею ответил:

– Хочу встретиться с одним из... Наших. Хочешь со мной?

Андрей неверяще посмотрел в глаза Сирены и хмыкнул:

– Ты ещё спрашиваешь?!

– Вот и отлично! Заеду к тебе в больницу, и пойдём.

Андрей улыбнулся и встал: Игорь из кухни-столовой позвал всех ужинать. И по запаху Порохов понимал: готовила, скорее всего, Маргарита. Его мама. Пожалуй, то, что он снова не один в своей семье, его радовало.

Эля оказалась нежной и отзывчивой, очень доброй и какой-то уютной. Лазарь был от неё в восторге после ужина в небольшом ресторанчике (ему понравился её взгляд, когда она увидела счёт), проводил до такси и остался стоять на улице.

Снег перестал идти, теперь по дорогам ехали громкие снегоуборочные машины, а Лазарь, задумчиво вертя в руках новый телефон, боролся с мелкой дрожью голода.

За ужином он сумел протянуть тонкие ниточки к сердцу Эли, но у него практически не оставалось времени, чтобы полноценно сделать всё, что накормит его. Но если ему не удастся решить эту проблему в течение недели, то он не знает, что произойдёт. Он ещё ни разу не оставался без удовлетворения того чувства голода, что всё сильнее накрывало его с каждым днём.

Возможно, он умрёт.

Умирать Лазарь не хотел.

Дорога до квартиры заняла сорок минут бодрым шагом. Лазарь по пути ощущал, что иногда ему удаётся чуть-чуть утолить голод, но от чего это зависело – он никак не мог понять. Ни сейчас, ни всё то время, что голод его преследовал. Это было как вспышки, беспорядочные и ни с чем не связанные, и Лазарь просто смирился с тем, что сытым его могут

сделать только другие люди.

Только их нужно правильно подготовить.

Он посмотрел на трекер такси, убедился, что Элечка доехала домой, и послал ей сообщение с благодарностью за встречу и ужин. Обычно он так не делал, он не оставлял следов, но...

Сейчас приходилось спешить, и он рискнул. В крайнем случае... В крайнем случае, от полиции он уйдёт.

В квартире было тихо, пусто, умиротворяюще темно. Лазарь не стал включать свет, скинул пальто и обувь и, как был, в верхней одежде, повалился на широкую двуспальную постель. Болтовня простенькой и искренней девушки его порядком утомила, и он хотел спать.

Телефон засветился, и Лазарь, вытянув руку, позвал его. Получалось не всегда, но иногда предметы подчинялись. Обычно, когда он был совершенно сыт.

Мужчина, увидев, что в этот раз телефон упрямится, сам подвинулся влево и схватил несговорчивый аппарат. Посмотрел на ответ девушки и коротко хищно улыбнулся: он очень любил, когда девушки отвечали на его вопрос именно так.

Это означало, что они легко пойдут по указанному для них пути.

«Пусть во сне ничего тебя не беспокоит и не пугает!», – написал Лазарь и закрыл глаза. Элечка должна вспомнить, что значит – бояться.

Игорь привычно оставил машину на стоянке, прошёлся к высокому серому зданию и, легко поднявшись по широким ступеням, вошёл в двери, рядом с которыми висела табличка: «ГУ СОБПСР ППСНБ». Такая же табличка красовалась на мощных воротах, которые открывались только для машин из специального списка, обновляемого ежедневно. Никто из проходящих мимо людей понятия не имел, как расшифровывается аббревиатура и что находится за высокими бетонными стенами, даже не интересовался. Восемнадцатизэтажный дом серо-стального цвета был настолько неприметным, что его не всегда запоминали, куда уж тут интересоваться.

И на картах он обозначался не иначе, как труднопроизносимым сочетанием букв, без номера телефона, без ссылки на сайт и без отзывов, с единственной оценкой: 1 звезда.

Игорь приветственно кивнул охраннику, прошёл через систему досмотра и поднялся на свой девятый этаж на скоростном лифте.

Несмотря на некоторую небрежность (кое-где отвалилась штукатурка, окна можно было бы поменять, слой пыли на подоконниках) снаружи здания, внутри оно было оборудовано и отремонтировано не хуже самых современных офисов класса «А».

Лифт распахнул полированные двери, и Князев вышел в широкий светлый коридор. Там огляделся. Как обычно, все двери кабинетов были открыты, кроме самой дальней, ведущей в его собственный. Справа спорили Артём и Лёшка, в следующем кабинете пожилой Романыч по телефону кому-то что-то пытался доказать, и судя по накалу страстей – либо скоро докажет, либо придёт к Игорю с жалобой. В худшем случае, не к Игорю и не с жалобой, а к ребятам из соседнего кабинета с просьбой покарать наглеца. Ребята не менее привычно сошлются на запрет от шефа, и на том история закончится.

По левую сторону коридора царила тишина, и мужчина заглянул в просторный опен-спейс, в котором, впрочем, не было кабинок, а только расставленные в некоем порядке широкие столы с моноблоками. В дальнем углу притаился стол с печатной техникой, а все десять сотрудников кабинета сгруппировались за одним столом. Князев с интересом неслышно подошёл сзади, глядя, что же так привлекло их внимание.

– Тише ты, вспугнёшь!

– Да ладно, я ж аккуратно... Не видишь, совсем аккуратно, она меня и не видит!

На одном из шести мониторов, расположившихся на столе Сергея, отвечавшего в отделе Князева за техническое обеспечение команды, была видна съёмка, скорее всего с дрона, который подкрадывался к девушке-аналитику с седьмого этажа. Игорь чуть склонил голову набок, продолжая наблю-

дать за весельем команды.

Дрон подлетел ближе, потом оказался чуть выше девушки, и тут она резко обернулась, ударив по устройству сложенным в трубочку журналом – как по мухе.

– Попался, – резюмировал Игорь громко, и компания, удивительно слаженно вздрогнувшая, тут же разошлась по своим местам, виновато глядя на шефа.

Мужчина выждал минуту, а потом прошёлся по кабинету:

– Что сделать-то хотели?

Сергей пожал плечами:

– Прислали новые бесшумные дроны, мы тестировали.

– Что было у дрона?

– Пакетик с пудрой. Грузоподъёмность у него маленькая, зато манёвренный и правда тихий.

– Тогда как спалились?

Сергей поморщился:

– Тень, скорее всего. Я в обед схожу к ней, спрошу, как заметила.

– Понятно. Тимур, Есь, через полчаса ко мне. Серёжа, принеси потом дроны – посмотрю, что за машинки. Отчёт по прошедшим суткам уже у меня?

– Да, шеф, – тут же отозвался Илья. – И сейчас занесу ещё данные от поисковиков.

– Камеры у сквера проверены?

Сергей вернулся к своим мониторам и тут же что-то вывел на экран:

– Смотри, вот твоя парочка. Входили они по-отдельности, мужик – в нём, наверное, метра два роста! – на полтора часа раньше дамочки. Как не околел за это время, интересно. Из сквера восемь выходов, конечно, но не все контролируются камерами. А дамочка – вот... Мы её пока ищем.

Князев опёрся рукой о стол инженера, глядя в монитор.

– Хорошо, вот они вышли и... куда пошли?

– В переход, дальше во дворы, но там камеры не везде стоят – или они не попадали в зону видимости. Либо кто-то из них там живёт, либо могли вызвать такси и уехать.

– Понял, тогда нужно искать по городу этого высокого. Хорошо, что он приметный. Девушек таких много, а кого-то с ростом около двух метров я встречаю редко.

– Принял, ищем, – тут же отозвался Сергей, и Игорь стремительно, как привык, ушёл в свой кабинет, где его ждали отчёты, в том числе очередной о том, как следили за Ине-ем. Впрочем, после того как подросток рассказал о занятиях с Гадалкой, Князеву оказалось проще прогнозировать его дорогу домой. Иней заверил, что предупредит, когда Гадалка назовёт ему дату встречи, а до того не против ездить из школы на автомобиле. Но не бывает планов без исключений: буквально вчера Иней, смущаясь, спросил, может ли он после школы пойти с ребятами в кафе, у кого-то из одноклассников день рождения. Игорь откровенно порадовался такой возможности влиться в общение для обычно нелюдимого подростка и выдал не только своё разрешение, но и до-

полнительную сумму денег на кафе и на подарок.

Хотя тратил Иней деньги со своей карты и без того очень робко и очень мало: в школе хорошо кормили в столовой, еда входила в оплату обучения, а сам мальчик ещё не привык что-то хотеть для себя.

И к тому, что это действительно можно купить.

Игорь покачал головой своим мыслям и углубился в работу.

* * *

Выбранное Ларнисом место для встречи с неким «все-знайкой» напомнило Андрею классический криминальный боевик или нуарный детектив с налётом трагизма. Возможно, подразумевалось нечто иное, но у Порохова в голове засела именно такая ассоциация, и избавиться от неё было очень сложно.

Это был клуб. Классический такой клуб, который ещё надо поискать: неприметная чёрная дверь в какой-то подворотне. Неподалёку въезд на парковку, и его тоже не сразу можно заметить, так как указатели отсутствовали, а мощные ворота были негостеприимно закрыты.

Андрей и Сирена приехали на такси, и если врач, по совету певца, надел классический костюм – разве что без галстука, – то Ларнис не показывал, что выбрал для себя, пряча наряд под большим бесформенным плащом почти до пят.

Вопреки ожиданию Порохова, в двери не было окошка для вышибал, через которое им полагалось бы посмотреть на посетителей и определить, пропускать ли их. Зато он приметил несколько зрачков видеокамер, что было ещё более логично. Дверь мягко открылась, впуская гостей в просторный холл с гардеробом. Но первым их встретил огромный, одетый в чёрный деловой костюм охранник и предельно вежливо поинтересовался, есть ли у господ приглашение. Ларнис улыбнулся и внезапно начертил в воздухе непонятный, светящийся белым узор. Охранник тут же коротко поклонился и посторонился:

– Добро пожаловать в «Полночь»!

Андрей поздоровался – он всегда здоровался с персоналом, где угодно – и снял пальто, протягивая его гардеробщику. Высокий полноватый мужчина бережно принял его, аккуратно повесил на плечики и так же забрал одежду у Ларниса. Порохов повернулся к Сирене и хмыкнул:

– Ну да, ну да... Потому и прятался?

– Я не прятался, – Ларнис отвечал серьёзно, но медовые глаза смеялись, – я берёг нервные клетки таксиста. Он, конечно, не абы какой, но мог подумать что-то не то.

Сирена обычно не носил откровенные наряды где-то, кроме сцены. Даже на репетициях – а Порохов присутствовал на некоторых из них – бывал в неизменных джинсах и футболках. Удобных, иногда с весёлыми надписями или рисунками, но максимально закрытых. Сейчас он пренебрёг свои-

ми же привычками. Полупрозрачная белая сорочка, не предполагающая пуговиц, заправлена в обтягивающие брюки с высоким поясом. На шее чёрный шёлковый шарф, узкой змейкой скользящий по ключицам. Волосы Ларнис забрал нарочито небрежно в высокий хвост, оставив несколько прядок рядом с лицом. Почему-то такое сочетание придало певцу совершенно неземное очарование. А потом он закрыл на мгновение глаза, и Порохов узнал о нём что-то новое: когда Сирена открыл глаза, то они мягко светились. Такое же свечение в темноте коридора, ведущего в основной зал клуба, распространяли и волосы.

– Красиво, – выдохнул Андрей, пытаясь понять, что это за эффект и как его добиться. – Почему ты раньше не показывал?

Ларнис обернулся и склонил голову набок:

– Не всё же сразу ... Должны оставаться в жизни сюрпризы.

– И много их ещё?

– Для тебя ещё несколько найдётся.

– А для других?

– А другим и этого не покажу, – Сирена открыл тяжёлые двустворчатые двери и шагнул в огромное многоярусное пространство.

Первым, что бросилось Андрею в глаза, стала сцена – она была видна, казалось, с любой точки пространства. На сцене находилось несколько мужчин и женщин, и они танцева-

ли так, что у Порохова перехватило дыхание: столько неприкрытого эротизма ему давно не приходилось видеть, при том, что никто из танцоров не был обнажён или не изображал самого секса. Но движения, музыка, чувства – заставляли и самому хотеть чего-то подобного.

Вокруг сцены располагались столики, между которыми сновали официанты. Они дополняли атмосферу клуба своей униформой: нельзя было назвать её откровенной, всё прикрыто, но... Но и открыто тоже достаточно, чтобы разбудить самые глубокие фантазии.

Чуть выше полукругом расположились столы с диванчиками – на разных уровнях, чтобы никто не загораживал сцену остальным. Второй уровень был отдан под танцпол с одной стороны, а с другой Андрей даже не понял, что за странные зеркальные... Окна?

Третий уровень Андрей снизу рассмотреть не смог.

И повсюду, куда ни кинь взгляд – люди. Не толпа, но они заняли почти все столики, и там были и пары, и одиночки, которые ели, пили, танцевали... Многие пары, не стеснясь никого, ласкали друг друга, а иногда там оказывалось явно больше двух человек. И ничего не смущало всех присутствующих: официанты разносили заказы, наклонялись, чтобы ответить на вопросы, с улыбками реагировали на попытки сблизиться, но, как Андрей заметил, никто из официантов при этом сам не был с гостями.

В горле пересохло от горячего ощущения свободы: от за-

претов, от ханжества, от... косых взглядов. Несколько девушек, сидящих вместе, кинули на Андрея призывные взгляды, явно дав понять, что они не против видеть его рядом с собой. И Порохов улыбнулся им в ответ, идя за Ларнисом к широкой чёрной лестнице.

– Это все твои сородичи?

– Это? Нет, это просто люди. Самые обычные люди, которые могут позволить себе очень и очень дорогой отдых. Наши иногда тут бывают. Но мы – штучные экземпляры на этом празднике жизни.

Ожидаемого сигаретного тумана, правда, не было.

В темноте и свете прожекторов, диско-шаров, цветных ламп и неброских неоновых украшений не было даже намёка на дым. Порохов этому удивился, но спросить у Ларниса почему так не успел: они поднялись на второй уровень, и странные сооружения со стеклянными стенами оказались индивидуальными кабинками. В одну из них они-то и зашли.

Просторная, с удобным диваном вдоль трёх тёмных стен, широким столом и полностью прозрачной стороной, выходящей на сцену. Внутри света было немного, и в этом тусклом освещении Андрей увидел сидящего высокого стройного мужчину с короткой стрижкой тёмных волос, одетого в тёмную сорочку, расстёгнутую на несколько верхних пуговиц, и чёрные брюки. Тот встал, подходя к Ларнису, и неожиданно тепло его обнял, а Ларнис не дёрнулся от него, как ожидал Порохов, а обнял в ответ. Это был настолько

естественный дружеский жест... Что даже скорее походил на родственный. Так можно было обнимать кого-то из семьи, кого давно не видел. И Ларнис со светящимися золотыми волосами очень странно смотрелся с фигурой, казалось, целиком сотканной из темноты, если бы не светлая кожа.

Потом незнакомец протянул руку Андрею:

– Нейтмар.

– Андрей.

– Вот и познакомились, – у Нейтмара оказался приятный обволакивающий голос. Он сел на диванчик, кивнул на меню. – Я себе заказал, берите что-нибудь, и поговорим.

– Ты опять торопишься?

– Не совсем, но через час хочу кое-кого тут выловить. Нарар обещал прийти.

– Ого! – Ларнис сел, бегло проглядел меню. – Есть что новенькое?

– Я не смотрел, я взял что обычно.

Андрей взял в руки меню, коим являлся планшет и, судя по отклику, – новейшей модели. Пробежался взглядом, удивляясь, что есть не только коктейли и закуски, но и полноценное горячее аж на шести страницах. Половина названий была ему незнакома. Цен, правда, тоже не было. Но Порохов положился на то, что его тут не разорят.

– А это что?

Ларнис посмотрел на экран:

– А, это... Сложное блюдо из мяса трёх видов, с сыром,

грибами и сливками. Вкусное очень. К нему рекомендую вот этот салат. И вот это вино.

– Хм.

– Что?

– Оно голубое.

– Вкусное, бери. Его нигде на Земле больше не подают, уж поверь.

Нейтмар хмыкнул:

– Он с тобой пришёл, но он не в курсе?

– Нет, – ответил за Ларниса Андрей. – А в курсе чего должен быть?

– Что это за клуб.

– Как видишь, – Порохов посмотрел, как Ларнис делает заказ: выбирая нужные блюда и просто отправляя их в некую корзину. – А к нам не придут официанты?

– А нужны? – улыбнулся Сирена. – Надо – позовём.

– Пока не надо... – Андрей тоже улыбнулся, а потом вздохнул. – Да и мы тут не то, чтобы отдыхать.

– Мы сначала не отдыхать, – певец посмотрел на сцену, – а потом почему бы и не отдохнуть?

– Договорились.

– Итак, мой хороший тьялли, что случилось? – Нейтмар подпёр подбородок ладонью и внимательно посмотрел на Сирену.

Ларнис тут же сосредоточился, заправил пряди волос за ухо и достал телефон. Откуда – Андрей не понял, он точно

помнил, что карманов на брюках Сирены не было. Да и волновало его сейчас больше другое: «тъялли» – «птичка». Он понял слово, хотя не знал этого языка.

– В общем, для начала, вот мне прислали видео, – он включил полученную от Игоря запись входа в сквер и выхода из него высокого мужчины. – Наш... ммм... подозреваемый.

Нейтмар взял аппарат, некоторое время изучал запись, потом явно отправил её себе:

– Так, подозреваемый в чём?

Вблизи Андрей наконец-то сумел рассмотреть глаза Нейтмара и поразился тому, насколько они... чёрные.

– До того мы нашли тело девушки – она моя соседка по местной квартире, – и от него разбегались Прилипалы. Со временем эффект ослаб, через три дня не было даже его остатков, но сам факт я видел лично. Потом вот этот мужчина в сквере: от него или от его спутницы тоже шарахались Сущности, что для них не характерно. Девушка до самоубийства писала про встречу с неким мужчиной и про то, что ей страшно.

– И вы думаете, что это он выдал ей такой эффект? – подытожил мужчина.

– Пока ничего конкретного не думаем, но других зацепок особо нет. Да и этой бы не было, если бы не свидетель. Она не сумела догнать пару, иначе было бы легче понять – это у них приобретённое или у кого-то своё.

– Хорошо, понял... Но на самом деле я никогда не слы-

шал ни о чём подобном. Сущностям глубоко плевать на любые угрозы с любой стороны. Они могут избегать некоторых людей, но это и близко не похоже на разбежаться.

– Об этом и речь.

Нейтмар задумался, сведя брови и прикрыв глаза. В этот момент после короткого стука вошла стройная официантка, которая поставила на стол всё, что заказали гости. Перед Андреем оказалась широкая тарелка, наполненная причудливо выложенным мясом, вперемешку с грибами, источавшая умопомрачительный запах. На короткое мгновение он заполнил все мысли Порохова, и тот невольно сглотнул слюну. Потом очнулся, оглядел стол и покосился на Ларниса:

– Тут всегда такая еда?

– Разумеется, – Сирена взял в руки нож и вилку, намереваясь начать ужинать: его выбор выглядел не менее незнакомо чем сложное блюдо Андрея и пах... не менее притягательно. Нейтмар же решил ограничиться сочным стейком. Он же забрал у официантки бутылку вина (оно действительно было голубое, как на фото в меню), разлил по бокалам. Андрей аккуратно поднёс свой бокал к носу, вдохнул аромат и выгнул бровь:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.